

Волшебный дневник

Автор:

Сесилия Ахерн

Волшебный дневник

Сесилия Ахерн

Шестнадцатилетняя Тамара Гудвин, единственная дочь обеспеченных родителей, не знает ни в чем отказа и ни на минуту не задумывается о будущем. Но трагическое событие, самоубийство отца, утратившего все семейное состояние, включая роскошный дом в Дублине, и потому решившегося на столь крайнюю меру, вынуждает девушку вместе с заболевшей от горя матерью покинуть город и переехать в деревню к родственникам.

Лишившись друзей и любимых занятий, Тамара скучает в глуши, не зная, чем себя занять. Но появление в деревне передвижной библиотеки и знакомство с ее хозяином, подарившим девушке обладающую волшебными свойствами книгу, помогает ей не только повзрослеть, но и обрести иные жизненные ценности.

Сесилия Ахерн

Волшебный дневник

Cecelia Ahern

The book of tomorrow

© Cecelia Ahern 2010

© Володарская Л., перевод на русский язык, 2010

© Черемных Н., оформление, 2010

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство Иностранка

Книги Сесилии Ахерн – супербестселлеры, переведенные на полсотни языков. Дебютная книга «P.S. Я тебя люблю» принесла Сесилии мировую славу и легла в основу знаменитого фильма.

Посвящается Марианне,

которая двигается очень тихо

и от которой много шума

Моим читателям

с благодарностью за веру в меня

Глава первая

Бутоны

Говорят, с каждым пересказом моя история становится все менее и менее занимательной. Если это так, то ничего страшного, ведь здесь я рассказала ее в первый раз.

Моим читателям придется поверить мне на слово. Правда, если бы все то, что случилось со мной, случилось не со мной, я бы не поверила.

Надеюсь, не всем придет в голову усомниться в моей правдивости, по крайней мере, это не придет в голову тем, чей разум открыт для всего необычного, отперт ключом, отворившим его для веры. Такие люди или свободны от рождения, или еще в детстве, когда их ум был как бутон, его холили и лелеяли, чтобы лепестки потихоньку раскрылись и он отдал себя на волю природы. Идет дождь, светит солнце, а он растет, растет, растет. Такой ум всегда готов к чему-то необычному, он видит свет в темноте, находит выход из тупика, празднует победу, тогда как другие оплакивают поражение, задается вопросами, тогда как другие принимают все в жизни как должное. Он немного менее пресыщен и немного менее циничен. Он не желает сдаваться. Иногда люди становятся такими под влиянием трагедии или триумфа. Любое событие может стать ключом от запертого ящика в голове все-обо-всем-знающего человека, чтобы он с любопытством воспринял неведомое и распрощался с практицизмом и прямолинейностью.

Однако есть и такие, у которых в голове постепенно собирается целый букет из бутонов – по одному за каждое открытие, – которые никогда не раскрывают лепестки и навсегда остаются бутонами. Такие люди воспринимают только заглавные буквы и точки, и для них не существует знаков вопроса и эллипсов...

Точь-в-точь мои родители. Уж чего-чего, а упертости им не занимать. Мол, если этого нет в книгах или никто об этом официально не сообщал, не глупи и не пори чепуху. У них в голове полный порядок и множество прелестных, разноцветных ароматных бутонов идеальной формы, которые так и не распустились, не ощутили себя достаточно легкими и нежными, чтобы пуститься в пляс на свежем ветерке. Стебли, как положено, прямые и крепкие, и бутоны остаются бутонами, несмотря ни на что, до самого конца.

Впрочем, мама еще не умерла.

Пока еще не умерла. Но не в медицинском смысле, потому что, если она не умерла, это еще не значит, что она жива. Мама похожа на ходячий труп, хотя время от времени что-то напевает, словно проверяя, жива она еще или ее уже нет. Если не особенно присматриваться, то можно считать, что с ней все в порядке. Но стоит оказаться рядом, сразу заметишь неровную линию ярко-розовой губной помады, потухшие глаза, в которых не светится душа, словно она студийный дом из телешоу – один фасад, и за ним ничего. В халате с широкими, развевающимися рукавами она бродит по дому, переходя из комнаты в комнату, словно южная красотка в роскошном особняке из «Унесенных ветром», откладывая на завтра мысли о неприятностях. Несмотря на поллебединому грациозные переходы из комнаты в комнату, она в ярости, она изо всех сил колотится, чтобы высоко держать голову, она одаривает нас испуганными улыбками, чтобы мы знали: она все еще тут, хотя это не очень-то убеждает.

Ох, я не виню ее. Какое счастье было бы исчезнуть, как исчезла она, заставив других убирать обломки и спасать остатки нашей жизни.

Но я все еще ни о чем не рассказала, и вы, наверное, в замешательстве.

Меня зовут Тамара Гудвин. «Настоящая победа». Терпеть не могу такие ужасные слова. Победа или есть, или ее нет. Как «тяжелая потеря», «горячее солнце» или «совсем мертвый». Два слова соединяются волей случая, хотя все, что нужно сказать, уже сказано одним. Иногда, представляясь, я проглатываю второй слог, и получается: Тамара Гуд – что само по себе звучит смешно, ведь я никогда не была «хорошей». А иногда я проглатываю первый слог, и получается Тамара Вин. Вот это настоящая насмешка, потому что победа, удача – не моя стихия.

Мне шестнадцать лет, по крайней мере, так говорят. И это странно, потому что мне кажется, будто я в два раза старше. В четырнадцать лет мне по моим ощущениям было четырнадцать лет. Я вела себя как одиннадцатилетний ребенок и мечтала о том времени, когда мне исполнится восемнадцать. Но за последние несколько месяцев я повзрослела на несколько лет. Скажете, такое невозможно? Соглашаясь с вами, бутончики отрицательно покачали бы головой, зато свободный разум ответил бы: а почему, собственно, и нет? Говорят, всякое бывает. Но кое-чего не бывает.

Нельзя вернуть папу к жизни. Я попыталась, когда нашла его на полу в кабинете – совсем мертвым, – с посиневшим лицом, а рядом валялся пустой пузырек из-под лекарства, и бутылка виски стояла на столе. Сама не знаю зачем, но я прижала губы к его губам и стала делать ему искусственное дыхание. Безрезультатно.

И потом, когда на кладбище мама, с воем царапая деревянную крышку, бросилась на его гроб, опускавшийся в землю – кстати, чтобы особенно не травмировать нас, покрытую искусственной зеленой травой, словно это и не была настоящая земля с червяками, – гроб все-таки опустили в яму на веки вечные. Если сказать честно, я с восторгом приняла мамину попытку, но она не вернула нам папу.

И бесчисленные истории об отце из серии «кто лучше знал Джорджа», которые родственники и друзья наперебой рассказывали на поминках, словно держа палец на сигнале и стремясь вставить свое слово. «Думаете это смешно? Нет, вы послушайте меня...» «Один раз Джордж и я...» «Никогда не забуду слов Джорджа...» В итоге гости настолько перевозбудились, что заговорили все разом, перебивая друг друга, выплескивая страсть и вино на мамин новый персидский ковер. Считаете, они хотели как лучше? Что ж, папа и в самом деле как будто был в комнате, но и эти истории не вернули его нам.

Даже когда мама узнала, что финансовое положение папы было не из лучших, это тоже не помогло. Папа оказался банкротом, и банк уже постановил отобрать у нас дом со всем принадлежавшим ему имуществом, так что маме пришлось продать все остальное – все до последнего, – чтобы заплатить долги. Но и тогда папа не вернулся и не помог нам. Я же окончательно поняла, что его больше нет и не будет. Даже подумала: если он хотел, чтобы мы прошли через всё одни – искусственное дыхание, мамину истерику у всех на глазах на кладбище, наше безденежье, – то и хорошо, что он ушел.

Без всего этого вспоминать о нем было бы приятнее. Обстоятельства нашей жизни оказались настолько ужасными и унижительными, насколько, не сомневаюсь, он и предвидел.

Если бы бутоны в голове моих родителей раскрыли лепестки, тогда, может быть, всего лишь может быть, им удалось бы избежать всего этого ужаса. Однако бутоны остались бутонами. В конце туннеля не было света, но даже если бы он

был, его закрыл бы надвигающийся поезд. Других возможностей, другого способа вести дела не нашлось. Мои родители были практичными людьми, но и для них не существовало подходящего случая решения. Вера, надежда и своего рода убеждения могли бы спасти моего отца. Но у него не было ни первого, ни второго, ни третьего, так что он практически утащил нас за собой, сделав то, что он сделал.

Удивительно, как смерть проливает свет на характер человека. В течение нескольких недель мне пришлось выслушать множество трогательных и даже красивых историй о папе. Они утешали меня, и мне нравилось их слушать, но, признаюсь честно, очень сомнительно, что в них была правда и одна только правда. Папа не был приятным человеком. Конечно же я любила его, и все-таки хорошим, насколько я понимаю, он не был. Мы редко разговаривали друг с другом, да и когда разговаривали, то, как правило, о чем-нибудь спорили; или он молча давал мне деньги, чтобы я не приставала. Очень часто он был раздражительным, нетерпимым, мгновенно вспыхивал, вечно настаивал на своем и проявлял откровенную бесцеремонность. В его присутствии люди терялись, он подавлял их и наслаждался этим. В ресторане отец по три-четыре раза возвращал на кухню стейк, всего лишь из желания помучить официанта. Заказывая дорогое вино, он, чтобы досадить ресторатору, заявлял, будто оно пахнет пробкой. Если нас не приглашали на вечеринку, он жаловался полицейским на шум, хотя на самом деле шум ему не мешал, и добивался, чтобы вечеринку остановили.

На похоронах и потом, на поминках у нас дома, я ничего такого не сказала. Выпила одна бутылку красного вина, после чего меня вырвало на пол возле отцовского стола, на то самое место, где он умер. Мама нашла меня и залепила мне пощечину. Она сказала, что я все испортила. Не знаю, имела она в виду ковер или память об отце, но в любом случае он сам все испортил и я ни при чем.

Нет, я вовсе не собираюсь валить все зло на отца. Сама я тоже была не лучше. Наверное, хуже дочери даже придумать трудно. Родители давали мне все, а я постоянно забывала говорить спасибо. Если же говорила, то будто мимоходом, думая о чем-то другом. Мне кажется, я не понимала, что значит это слово. А ведь спасибо – это знак благодарности. Мама с папой постоянно твердили об умирающих от голода африканских младенцах, словно это могло внушить мне благодарность к ним. Оглядываясь назад, я понимаю, что родителям лучше всего было бы оставить меня без подарков, и тогда, наверное, они заставили бы меня задуматься.

Мы жили в Киллини, в графстве Дублин в Ирландии, на семи тысячах квадратных футов, в современном доме с шестью спальнями, бассейном, теннисным кортом и собственным местом на пляже. Моя комната находилась в противоположной стороне дома, далеко от родительской, и с балкона открывался вид на море, но на балкон я почему-то не любила выходить. У нас имелись душ и джакузи и плазменный телевизор – точнее, стеновизор – в стене над ванной. Шкаф в моей комнате был набит дизайнерскими пакетами, а еще у меня имелись компьютер, игровая приставка и кровать с пологом на четырех столбиках. Мне повезло.

И вот вам настоящая правда: я была кошмарной дочерью. Во-первых, я была грубиянкой, которая не лезла за словом в карман, но, что гораздо хуже, я считала, будто заслужила все эти блага просто потому, что они были и у моих приятелей. Ни на секунду мне не приходила в голову мысль, что они тоже ничего не заслужили.

Потом я придумала, как исчезать из дома по ночам. Выйдя на балкон, я спускалась по трубе на крышу бассейна, а оттуда не составляло труда прыгнуть на землю, и вот я уже в компании друзей. На нашем частном пляже имелся уголок, где мы обычно выпивали. Девочки пили так называемую «Смесь Долли»[1 - Набор сладостей разной формы и разных цветов. (Здесь и далее прим. перев.)], то есть слитые в пластиковую бутылку остатки всего, что имелось в винных шкафах у родителей. Брали по несколько дюймов из каждой бутылки – и родители ни о чем не подозревали. Мальчики же пили все, что только повезло достать. И хватались за любую девчонку, которая им не отказывала. Как правило, это была я. А мальчика Фиакру я украла у моей лучшей подружки Зои, потому что его отец был знаменитым актером. Если честно, то только по этой причине я позволяла ему каждую ночь на полчаса залезать мне под юбку. Я мечтала о встрече с его папой. Но чего не случилось, того не случилось.

Родители считали, что мне необходимо увидеть мир, посмотреть, как живут другие люди. И все время напоминали, мол, мне очень повезло, что я живу в большом доме на берегу моря, и, чтобы я оценила другой мир, мы проводили лето на нашей вилле в Марбейе, Рождество – в нашем шале в Вербьере, а на Пасху ездили в Нью-Йорк за покупками и останавливались в отеле «Риц». Розовый «мини-купер» с откидывающимся верхом и моим именем ждал моего семнадцатилетия, а приятель отца, у которого была своя записывающая студия, хотел прослушать меня и, не исключено, записать. Хотя я терпеливо снесла его руку у себя на зад, у меня не возникло ни малейшего желания остаться с ним

наедине даже на мгновение. И ради будущей славы тоже.

Мама и папа постоянно посещали благотворительные мероприятия. Как правило, мама больше денег тратила на платье, чем на пригланительный билет, и, кроме того, дважды в год делала незапланированные покупки, чтобы потом отослать ненадеванные платья своей невестке Розалин, которая жила в деревне, – на случай если Розалин захочется подоить корову в сарафанчике от Эмилио Пуччи[2 - Марчезе Эмилио Пуччи (1914–1992), флорентийский дизайнер одежды и основатель дома моды «Эмилио Пуччи», предпочитал узоры из текучих, обведенных контуром цветных полос, складывающихся в абстрактные рисунки. Он ввел в мир моды самые яркие рисунки и превратил спортивную одежду в элегантный костюм, покорила Америку и научил женщин отдыхать в такой одежде.]].

Теперь я знаю – когда нас выбросили из мира, в котором мы жили прежде, – что ни один из нас не был хорошим человеком. Наверное, где-то в глубине души, несмотря на всю свою безответственность, мама тоже это знает. Мы не были плохими, но и хорошими не были. Ничего никому не давая, мы очень много брали себе.

Не по заслугам много.

Прежде я никогда не задумывалась о том, что будет завтра. Жила одним днем. Жаль, теперь это невозможно, очень жаль. В последний раз, когда я видела папу живым, то раскричалась на него, заявила, что ненавижу его, и ушла, хлопнув дверью прямо у него перед носом. Мне не пришло в голову вернуться. Моего маленького мирка мне хватало, и я не желала думать о том, как мои слова и дела сказываются на других людях. Папе я крикнула, что не желаю его больше видеть, и больше я не видела его живым. Зачем мне было думать о завтрашнем дне или о том, что это были мои последние слова, сказанные отцу, да и вообще последний разговор с ним? Тогда меня занимало другое. За многое мне еще предстоит себя простить. И на это потребуется время.

А сейчас из-за папиной смерти и всего того, чем я хочу поделиться с вами, мне ничего не остается, как думать о завтрашнем дне и обо всех тех людях, которые будут завтра. Сейчас, просыпаясь утром, я радуюсь новому дню.

Папу я потеряла. У него больше не будет завтра, и у нас с ним тоже больше не будет завтра. Вам, верно, понятно, что теперь я ценю каждый новый день. И я хочу, чтобы каждый из них стал лучше предыдущего.

Глава вторая

Две мухи

Прежде чем муравьи определяют для себя безопасный путь в поисках еды, один из них идет первым, оставляя за собой на тропе пахучий след. Стоит наступить на муравьиную цепочку или затоптать пахучую тропинку, что психологически менее ужасно, муравьи как будто теряют разум. В панике они мечутся туда-сюда, не в силах отыскать нужную дорогу. Мне нравится наблюдать, как они поначалу совершенно дезориентированы, пускаются в беспорядочное бегство, натываются друг на дружку, стараясь вновь учуять след, но проходит время, они перегруппировываются, реорганизовываются и опять встают на свою тропу, словно ничего не случилось.

Глядя на их суматошные передвижения, я думаю о том, как мы с мамой похожи на них. Нас остановили, отняли у нас лидера, затоптали нашу тропинку, и в нашей жизни воцарился хаос. Я полагаю – я надеюсь, – что со временем мы вновь выйдем на правильный путь. Кто-то один должен вести остальных. Глядя на маму, я понимаю, что она не годится на эту роль и что мне придется вести ее за собой.

Вчера я видела муху. Она тщетно пыталась выбраться из гостиной, билась в окно, вновь и вновь ударялась о стекло головой. Потом перестала изображать ракету, но, не переставая жужжать, словно в последней смертельной атаке, врезалась в раму под открытой форточкой. Я была разочарована, потому что поднимись она чуть повыше – и получила бы свободу. Так нет, она опять и опять билась в стекло. Могу представить ее отчаяние, когда она видела деревья, цветы, небо и не могла выбраться к ним. Несколько раз я пыталась ей помочь, выставить ее в форточку, но она улетала от меня и вновь начинала кружить по комнате. В конечном счете она опять вернется к тому же окну, и, наверное, я даже смогу услышать: «Опять это окно, в которое я попала...»

Интересно, что, сидя в кресле и наблюдая за мухой, я казалась себе Богом, если, конечно, Бог есть. Верно, сидит себе на небе и словно смотрит кино, совсем как я сама смотрела на муху, ползущую вверх, чтобы вырваться на свободу. Она ведь не попала в ловушку, просто глядела не туда. Интересно, а Богу известен выход для меня и для мамы? Если я вижу открытую форточку для мухи, то и Бог знает, каким будет для нас завтрашний день. Эта мысль успокаивала меня. Так это было, пока я не ушла куда-то, а когда вернулась через несколько часов, то нашла на подоконнике мертвую муху. Может быть, это была другая муха, но все же... Потом, рассказывая о своих размышлениях, я расплакалась... А потом разозлилась на Бога, потому что в моих мыслях смерть мухи означала, что нам с мамой никогда не выбраться из хаоса, в который мы попали. Какой смысл в том, чтобы находиться в далеком далеке, откуда все видишь и ничем не помогаешь?

И тут я поняла, что сама исполнила роль Бога. Правда, я пыталась помочь мухе, которая мне не далась. Тогда мне стало жалко Бога, ведь я поняла его разочарование. Бывает, человек протягивает кому-то руку помощи, но его отталкивают. Все-таки в первую очередь люди думают о самих себе.

Прежде я ни о чем таком не задумывалась: ни о Боге, ни о мухах, ни о муравьях. Лучше умереть, чем в субботу оказаться застигнутой с книжкой, да еще следящей за грязной мухой, которая бьется в окно. Наверное, об этом же в последние минуты своей жизни думал папа: лучше умереть, чем испытать унижение, когда у меня все отберут.

Свои субботы я обычно проводила с подружками в «Топшопе», перемеривая все подряд и нервно посмеиваясь, пока Зои засовывала в карманы штанов столько всяких аксессуаров, сколько туда влезало. Если же не хотелось идти в «Топшоп», то мы весь день сидели в «Старбаксе», отхлебывая кофе с имбирными шариками из большого стакана и откусывая сдобную медовую булочку с бананами. Уверена, они и сейчас занимаются тем же.

Прошла неделя после моего приезда сюда, и я перестала получать информацию о своих друзьях, так как у меня отключили телефон; разве что Лаура успела сообщить массу сплетен, и самую главную – будто Зои и Фиакра сошлись вновь и сделали это в доме Зои, когда ее родители уехали на уик-энд в Монте-Карло. У ее отца проблемы с азартными играми, о чем ни Зои, ни мы ничуть не сожалели, ведь это означало, что ее родители возвращались домой намного позже других родителей. Как бы то ни было, Зои сказала, что секс с Фиакрой был хуже, чем с лесбиянкой из хоккейной команды Саттона, которая была ее клюшкой между

ног, а это было очень больно; уж поверьте – верю, – она больше на такое не пойдет. И еще Лаура предупредила, чтобы я не трепалась, но она тоже в последний уик-энд встретилась с Фиакрой, и они занимались этим. Мол, она надеется, что я не против, и очень просит не говорить Зои. Как будто я могла, оказавшись тут, с кем-нибудь посплетничать, даже если бы очень хотела.

Оказавшись тут... Впрочем, об этом я еще не рассказала. Мне уже пришлось упомянуть мамину невестку Розалин. Это та, которой мама обычно сплавляла свои невесты зачем купленные и ненадежные шмотки, распихав их по черным мешкам. Розалин – жена дяди Артура, маминого брата. Живут они в деревенском доме в графстве Мет, где ничего и никого нет. Мы навещали их всего пару раз за мою жизнь, и, помнится, оба раза я умирала от скуки. Дорога к ним занимала час с четвертью, и визит был сплошным разочарованием. Я думала, что в такой глуши живут лишь дураки, и называла своих родственников «душеспасительным дуэтом». Насколько я помню, это была первая и последняя из моих шуток, которая рассмешила папу. Его не было с нами, когда мы с мамой ездили к Розалин и Артуру. Не думаю, чтобы они поссорились, просто они были несовместимы, как пингвины и полярные медведи, и не могли находиться вместе. И теперь мы живем в их доме. Мы живем в деревенском доме «душеспасительного дуэта».

Честно признаюсь, дом очень милый и, кстати, размером примерно с четверть нашего прежнего дома, что совсем неплохо. И еще он напоминает мне дом из фильма «Гензель и Гретель»[3 - Фильм режиссера Йим Пиль-Сунга в стиле черного фэнтези (2007)]. Его построили из известняка, а декоративные деревянные планки вокруг окон и на кровле выкрасили в желтовато-зеленый цвет. Наверху три спальни, внизу – кухня и гостиная. У мамы свой туалет, а другой, на втором этаже, делим Розалин, Артур и я. Естественно, привыкнув к собственному туалету, я сочла это вульгарным, особенно если мне приходилось пользоваться им после дяди Артура с его чтением газеты именно в этом месте. Розалин – фанатичка, помешанная на чистоте; вечно крутится по дому. Переставляет, чистит, распыляет очиститель и все время говорит о Боге и Божьей воле. Один раз я сказала ей, что Бог поступил бы лучше, не забрав папу к себе. Тогда она в ужасе уставилась на меня, а потом убежала, чтобы стереть где-то пыль.

У Розалин мозгов кот наплакал. Все, что она говорит, не обязательно или попросту не имеет смысла. Погода. Печальные сообщения о несчастьях на другой стороне земли. А еще есть подружка, сломавшая руку на дороге, другая

подружка, у которой есть отец, и ему осталось жить не больше двух месяцев, и чья-то дочка, выскочившая замуж за парня, который бросил ее с двумя детьми. В общем, конец света с присказкой о Боге, мол, «Бог их любит», или «Бог милостив», или «да поможет им Бог». Не то чтобы я пыталась важничать, но мне всегда хочется добраться до сути, понять причину возникшей проблемы, а Розалин совершенно неспособна к этому. Ей лишь бы высказаться о чем-то нехорошем, но разбираться, что и зачем, ни к чему. Она затыкает мне рот, поминая Бога, и у меня появляется ощущение, словно я еще не доросла до взрослых разговоров и пока не в силах правильно оценить мир вокруг. Но думаю, есть еще одна причина. Розалин делает вид, что не хочет обходить проблемы стороной, поэтому, как только они улаживаются, она больше о них не вспоминает.

Мне кажется, я и теперь слышу те пять слов, которые дядя Артур произнес за все время, что я его знаю. Похоже, мама всю жизнь говорила за них обоих – но уж точно, он никогда не разделял ее мнение. Зато теперь Артур говорит чаще, чем мама. У него свой язык, и постепенно я начинаю его понимать. Он хрюкает, сморкается, фыркает, кивает головой и часто вдыхает воздух, когда его что-то не устраивает. Простое «А» с откидыванием назад головы говорит о его спокойном душевном состоянии. Я расскажу, как проходят у нас завтраки.

Артур и я сидим за кухонным столом, а Розалин, как обычно, ворчит, мол, поднос для посуды занят тостами и баночками с домашним джемом, медом и мармеладом. Как обычно, во всю мочь орет радио, и я, хотя радио в моей спальне, слышу каждое слово ведущего, который монотонно просвещает нас насчет мировых катастроф. Держа в руках чайник, к столу подходит Розалин.

– Артур, будешь пить чай?

Дядя откидывает назад голову, словно конь, который стряхивает с гривы мух. Он хочет чаю.

По радио рассказывают о том, что в Ирландии закрылся еще один завод и сто человек потеряли работу.

Артур делает глубокий вдох, и сопли проникают ему в горло. Это ему не нравится.

К столу вновь подходит Розалин, держа в руках очередную тарелку с высокой горкой тостов.

– Ах, разве это не ужасно, ведь Бог любит их жен и детей? И малыши теперь тоже все потеряют.

– Их матери тоже, – говорю я, беря тост с тарелки.

Розалин смотрит, как я надкусываю тост, и ее зеленые глаза все более и более расширяются по мере того, как я жую. Она всегда смотрит, как я жую, а я злюсь. Словно она колдунья из «Гензеля и Гретель» и следит за тем, как я толстею, чтобы связать мне за спиной руки и, засунув яблоко в глотку, бросить в горячую плиту. От яблока я бы не отказалась. Обычно она скармливает мне куда больше калорий.

Прожевав и проглотив кусок, я кладу остаток тоста на тарелку.

Понятия не имею, сколько Розалин лет, но полагаю, ей немного за сорок, хотя, сколько бы ей ни было, она все равно выглядит лет на десять старше. Она как будто застряла в 1940-х годах со своими платьями в цветочек, пуговицами от талии до подола и обязательной комбинацией под платьем. Мама никогда не носит комбинации, она вообще редко надевает нижнее белье. У Розалин мышинного цвета волосы, свисающие до подбородка и разделенные строго посередине пробором, так что видна седина. Она постоянно закладывает их за уши, розовые мышинные ушки, и никогда не надевает сережки. Никогда не красится. И не снимает с шеи золотой крестик на тонкой золотой цепочке. О таких женщинах моя подружка Зои говорит, будто у них ни разу в жизни не было оргазма, а я, срезая жир с бекона и видя, как округляются глаза Розалин, думаю, испытала ли Зои оргазм, когда делала это с Фиакрой. Потом представляю, какую боль ей причинила хоккейная клюшка, и начинаю в этом сомневаться.

Напротив нашего дома, через дорогу, стоит бунгало. Не знаю, кто в нем живет, но Розалин каждый день носит туда еду в пакетах. В двух милях от нас находится почта, и ее работой управляет кто-то из своего собственного дома, а напротив – самая маленькая на свете школа, которая, в отличие от моей прежней школы, где жизнь кипела ключом круглый год, летом совершенно пустеет. Я спросила у Розалин, есть ли там классы йоги или еще что-нибудь, и

Розалин пообещала показать мне, как готовить йогурт. При этом у нее было такое счастливое выражение на лице, что я не стала ее разочаровывать. Целую неделю я наблюдала, как она делает клубничный йогурт, и еще одну неделю никак не могла его доесть.

В начале восемнадцатого столетия дом, принадлежащий Розалин и Артуру, защищал боковой въезд в замок Килсани. Главные ворота представляют собой устрашающую готику, так что каждый раз, когда мы идем мимо, я вижу торчащие наверху головы. Замок был возведен как укрепленный форпост с башнями во времена нормандских завоеваний – здешние места на востоке Ирландии после вторжения Стронгбоу[4 - Стронгбоу? – прозвище Ричарда Фиц-Гилберта де Клера (1130?—1176) – англонормандского аристократа, представителя младшей ветви дома де Клер, предводителя нормандского вторжения в Ирландию, 2-го графа Пемброка, титулярного графа Бекингема, лорда Ленстера, юстициара Ирландии.] контролировались норманнами и англичанами, – то есть между 1100 и 1200 годами, о которых и подумать-то страшно, так они были давно. Наверное, между постройками тех людей и моего времени такая же разница, как между постройками моего времени и будущими постройками моих прапрапраправнуков, то есть полуплюдей-полуроботов. Как бы там ни было, замок был предназначен нормандскому военачальнику, и поэтому мне виделись отрубленные головы над воротами, ведь таков был обычай в те времена, разве нет?

Мы находимся в графстве Мет[5 - На протяжении многих веков наиболее священным местом в Ирландии и главной резиденцией верховных королей острова была Тара в графстве Мет, древнее поселение, датируемое примерно 2000 г. до н. э.]. Обычно эту часть графства называли Восточным Метом, и вместе с Западным Метом – удивляйтесь и поражайтесь! – она составляла владение Верховного короля. В давние времена трон Верховного короля находился в Таре, или на холме Тара, который всего в нескольких километрах от нашего дома. Сейчас это название постоянно на слуху, потому что поблизости строят автостраду. Несколько месяцев назад мы устроили в школе дебаты по этому поводу. Я была за автостраду, потому что считала, что королю понравилось бы иметь такую дорогу в его времена, ведь по современному шоссе добираться до офиса, или до «трона», легче, чем по бездорожью. Даже представить трудно, сколько грязи налипало на его сандалии! И еще я сказала, что такая дорога привлекла бы туристов. Они могли бы легко добираться сюда и делать свои фотографии с открытого второго этажа автобуса, который легко одолевал бы сто двадцать километров в час. Я начала волноваться, когда наша временная учительница всерьез вышла из себя, решив, будто я в самом деле

думаю так, как говорю, ведь она входила в комитет, протестовавший против новой автотрассы. Кстати, временных учителей не так-то легко вывести из себя. В особенности тех, которые верят, что несут добро детям. Говорю же вам, я была несносной.

После нормандского психа в замке жило много разных лордов и леди. При них время от времени появлялись новые конюшни и всякие надворные постройки. Как ни странно, один лорд переметнулся к католикам, женившись на католичке, и построил часовню, чтобы доставить удовольствие своему семейству. Мы с мамой таким же образом получили бассейн. Каждому свое. Территория замка обнесена так называемой «голодной» стеной, проект которой созрел, когда в стране случился картофельный неурожай[6 - Великий голод в Ирландии (известен также как Ирландский картофельный голод, 1845–1849 гг.) был вызван деструктивной экономической политикой Великобритании и спровоцирован эпидемией картофельного грибка.]. Она все еще стоит, оберегая сад и дом Артура и Розалин, а у меня каждый раз, когда ее вижу, по спине бегут мурашки. Если бы Розалин хоть раз побывала на обеде в нашем доме, она, верно, тоже затеяла бы строительство стены вокруг нас, потому что мы не ели углеводов. По крайней мере, у нас не было привычки есть углеводы, зато теперь я ем их столько, что могла бы снабжать топливом все закрывающиеся в округе заводы.

Потомки рода Килсани продолжали жить в замке до 1920-х годов, пока некие поджигатели не вспомнили, что они католики, и не попытались их выкурить. После пожара наследникам пришлось потесниться и занять лишь небольшую часть замка, потому что восстановить остальную часть и протопить ее им оказалось не по средствам, а в 90-х годах они и вовсе покинули родовое гнездо. Не знаю, кому теперь принадлежит замок, но он явно ветшает: в некоторых местах нет крыши, обваливаются стены, нет лестниц. Внутри растут горы мусора, да и вокруг его тоже хватает. Как-то мама предложила мне остаться на уик-энд у Артура и Розалин и произвести раскопки. В тот день она и папа серьезно поругались, прежде я никогда не слышала ничего подобного, и папа еще сильнее разозлился, когда мама захотела отослать меня из дома. Атмосфера настолько накалилась, что я и сама была не прочь смыться. К тому же мамино предложение действительно привело отца в ярость, а так как я считала своим дочерним долгом превращать его жизнь в ад, то, не сказав ни слова, подчинилась. Правда, едва я оказалась на месте, как желание копаться в мусоре и восстанавливать историю замка мгновенно улетучилось. Вытерпела я общество Артура и Розалин до ланча, а потом отправилась в туалет и позвонила моей филиппинской няньке Май, которую нам после смерти папы пришлось

отослать обратно, чтобы она забрала меня домой. Розалин я сказала, будто у меня заболел живот, и постаралась не засмеяться, когда она принялась беспокойно расспрашивать, не повредил ли мне яблочный пирог.

Кончилось все тем, что я списала эссе о замках из Интернета. А потом меня вызвала директриса школы и обвинила в плагиате, чего я до сих пор не понимаю, ведь Зои тоже воспользовалась Интернетом, сочиняя свое эссе о замке Малахайд, правда, она изменила несколько слов и дат, нарочно исказив их, как будто не списывала, и в итоге ее результат был лучше моего. Разве это справедливо?

Вокруг замка около ста акров земли, и дядя Артур является их хранителем и управляющим, то есть ему приходится присматривать за сотней акров чужой земли, поэтому он уходит из дома рано утром и возвращается ровно в половине шестого чумазый, как шахтер. Он никогда не жалуется, никогда не ворчит на погоду, просто поднимается с кровати, съедает завтрак, оглушая себя радио, и уходит на работу. С собой Розалин дает ему темную фляжку с чаем и несколько сэндвичей, и он редко заходит домой посреди дня, разве что забудет что-то в гараже или захочет в туалет. В том, что он так уж прост, я очень сомневаюсь. Вряд ли человек, который на редкость мало говорит, может быть настолько прост, насколько это кажется окружающим. Кое-чего набираешься, пока молчишь, потому что, когда молчишь, много думаешь, а уж дядя-то наверняка много чего передумал. Вот мама с папой только и делали, что говорили и говорили. Но такие люди много не думают; у них слова подавляют даже подсознательное желание спросить себя: Почему ты так говоришь? Что ты думаешь на самом деле?

Обычно по будням и в уик-энды я до последнего оставалась в постели, пока Май не поднимала меня толчками и криками. А здесь я встаю рано. Когда вокруг дома растут гигантские деревья, на них находят пристанище стаи птиц. И поют они до того голосисто, что я легко просыпаюсь. Около семи я уже на ногах, что даже меня самое приводит в изумление. Май гордилась бы мной. Вечера здесь длинные, да и в дневные часы тоже надо чем-то занимать себя. Черт знает сколько часов мне совершенно нечего делать.

Папа решил свести счеты с жизнью в мае, прямо перед экзаменами, положенными в предпоследнем классе, что было не совсем честно по отношению ко мне, так как я собиралась стать первой в классе. Экзамены я все-таки сдавала. Не исключено, что я провалила их, но мне на это наплевать и,

думаю, всем остальным тоже. В сентябре узнаю. На похороны папы пришел весь класс, и казалось, ребята об этом не жалели, так как с удовольствием пропустили школьные занятия. Ну, вы понимаете, мне было стыдно плакать перед всеми. И все же я плакала, правда, сначала слезы потекли у Зои, потом у Лауры. А девочка из моего класса, которую зовут Фиона и с которой мы двумя словами за все время не перемолвились, вдруг крепко обняла меня и передала визитку от своих родителей, мол, они думают обо мне. Еще Фиона назвала мне номер своего мобильного и подарила свою любимую книгу, после чего сказала, что, если мне захочется поговорить, она всегда готова меня выслушать. Тогда ее попытка сблизиться со мной во время похорон показалась мне немного неудачной, но по некотором размышлении – а теперь я только этим и занимаюсь – я поняла, что в тот день никто не превзошел ее в добрых словах и поступках.

Переехав в Мет, я в ту же неделю взялась за книгу. Это была сказка о девочке, которую никто на всей земле не мог видеть, даже родители и друзья, хотя о ее существовании всем было известно. Она родилась невидимой. Не буду вдаваться в подробности, но со временем ей удалось подружиться с кем-то, кто ее видел. Идея мне понравилась, и я подумала, что Фиона не просто так подарила мне эту книгу. Правда, когда я была у Зои и рассказала ей и Лауре о том, что прочитала, они не пожелали вникнуть в суть и назвали Фиону дурочкой. Пожалуй, мне стало трудно их понимать.

В первую же неделю, что мы прожили здесь, Артур привез меня на день к Зои. Все путешествие заняло около часа, и за это время мы не произнесли ни одного слова. Нет, одно слово он все-таки сказал: «Радио?» – а когда я кивнула, включил канал, по которому говорят о деревенских проблемах и не пускают музыку, и всю дорогу что-то бормотал себе под нос. Все лучше, чем полное молчание. Проведя ночь с Зои и Лаурой – жалуясь на дядю Артура до самого утра, – я почувствовала себя увереннее. словно опять стала прежней. Мы пришли к выводу, что он и Розалин с течением времени стали Душеспасительным дуэтом, но я не позволю им втянуть меня в свое дурацкое существование. Это значит, что я смогу выдержать чертову галиматью, которой меня потчевало радио. Тем не менее на другой день, когда я вновь села в грязный, вонючий «лендровер», вызвавший смех у Зои и Лауры, мне стало жалко Артура. И себя тоже.

Вернувшись в дом, который не был моим домом, на машине, которая не была моей машиной, поднявшись в комнату, которая не была моей комнатой, заговорив с матерью, которая как будто не ощущала себя моей матерью, я решила оставаться такой, какой была до смерти отца. Я решила не меняться.

Наверное, я приняла неправильное решение, но все равно это было мое решение. Для начала я устроила скандал в машине и заявила, что хочу слушать другой канал. Артур переключился на мою любимую станцию, но, не дослушав и одной песни, «Пуссикэт Доллз», до конца, начал ворчать и в конце концов вновь включил свою любимую передачу. С обиженным видом я смотрела в окошко, ненавидя Артура и ненавидя себя. Полчаса мы слушали женщину, которая плакалась в телефон о том, что муж потерял работу на компьютерном заводе и не может найти другую, а у них четверо детей мал мала меньше. Волосы закрывали мне лицо, и мне оставалось лишь надеяться, что Артур не увидит моих слез. Жизнь бывает печальной. Конечно, я знала об этом и прежде, но не хотела ничего замечать. Меня это не касалось.

Не знаю, сколько времени мы собирались жить у Артура и Розалин. И спросить было не у кого. Артур ни с кем не разговаривал, мама была по-другому, но тоже некоммуникабельна, а Розалин не хватило бы ума ответить на такой важный вопрос.

Моя жизнь поворачивалась ко мне неправильной стороной. Мне уже исполнилось шестнадцать лет, и пора было бы заняться сексом с Фиакрой. И вообще, в это время я должна была быть на нашей вилле в Марбейе, каждый день плавать, есть барбекю, тусоваться в «Ангелах и Демонах» и искать парня номер два, который понравился бы мне и с которым я захотела бы спать. Если бы парень номер один, с которым я спала, стал моим мужем, наверное, я бы умерла. И вот я живу в Богом брошенном месте, в одном доме с тремя ненормальными родственниками, с ближайшими соседями, которых я ни разу не видела, с почтой, которая работает в чьей-то гостиной, с пустой школой и разрушенным замком. Понятия не имею, что с собой делать.

По крайней мере, так я думала.

Пожалуй, надо начать с той минуты, как я приехала к родственникам.

Глава третья

Начало начал

В Мет, на место нашей новой жизни, нас привезла Барбара, лучшая мамина подруга. За весь путь мама не проронила ни слова. Ни единого слова. Даже когда у нее спросили дорогу. Прежде такое даже в страшном сне не могло привидеться. Я так испугалась, что накричала на нее прямо в машине; мне очень хотелось, чтобы она ответила.

А все оттого, что Барбара заблудилась. Спутниковый навигатор в ее «БМВ Х5» забарахлил, и нам пришлось свернуть в ближайший городок, чтобы уточнить направление. Когда мы въехали в этот самый городок под названием Ратоат, Барбаре пришлось рассчитывать на собственные мозги, а не на оборудование спортивного автомобиля. Но стоит ему выйти из строя, и у Барбары словно отключается голова. После того как мы десять минут проехали по дороге, где стояла всего тройка домов и не было ни одного указателя, я поняла, что Барбара занервничала. Дороги, по которой мы катили, не существовало, судя по показаниям навигатора. Для меня это был знак. Привыкнув ездить в некие определенные места и не по невидимым дорогам, Барбара начала ошибаться, машинально проезжать перекрестки и, пренебрегая опасностью для жизни, менять направление. Так как я навещала родственников всего несколько раз за всю свою жизнь, то толку от меня было мало, однако я должна была смотреть налево, чтобы не пропустить нужный дом, а Барбара смотрела направо. Один раз она набросилась на меня за то, что я отвлекаюсь, а я, честное слово, не видела никаких ворот по крайней мере на милю вперед, так что и смотреть не было нужды. Я ответила. Мы дошли до ручки, когда она вдруг вскрикнула, и это было похоже на «к черту всё», потому что мы катили «по чертовым дорогам, которых не было в помине», так почему бы тут не быть «чертову дому без чертовых ворот»? Услышать «к черту всё» из уст Барбары было для меня почти потрясением, ведь обычно она выражала свое недовольство словом «чепуха».

Нам могла бы показать дорогу мама, но она лишь улыбалась, сидя на переднем сиденье, и не отрывала взгляда от окна. Решив, что без моей помощи не обойтись, я наклонилась вперед – понимаю, это было неумно и неправильно, но я это сделала – и закричала ей в ухо так громко, как только сумела. От неожиданности мама подпрыгнула на месте, закрыла ладонями уши, а когда немного успокоилась, то принялась бить меня по голове, словно моя голова была пчелиным роем. Признаться, было очень больно. Она хватала меня за волосы, царапалась, хлестала по щекам, и я никак не могла вырваться из ее рук. Барбара ужасно расстроилась. Она остановила машину и попыталась удержать мамины руки. Потом вышла из машины и стала с плачем ходить взад и вперед по обочине. Я тоже заплакала, и в голове у меня словно загредел набат в том самом месте, которым мама колотила меня о подголовник и на котором рвала волосы.

Там, где я жила прежде, модно было носить прическу вроде стога сена, но мама постаралась на славу, и за несколько минут я превратилась в обитательницу сумасшедшего дома. Мы с Барбарой довольно много времени провели на дороге, а мама тем временем сидела в машине, гордо подняв голову, глядя прямо перед собой и всем своим видом выражая нешуточную ярость.

– Милая, иди ко мне, – сказала Барбара, не скрывая слез и раскрывая мне объятия.

Дважды меня просить не пришлось. Мне было необходимо почувствовать чье-то участие. Мама же и в лучшие времена не особенно любила всякие нежности. Поджарая, вечно голодающая, она относилась к еде так же, как к папе; она любила поесть, но постоянно отказывалась от еды, потому что считала ее вредной для фигуры. Мне это известно, потому что как-то раз я подслушала ее разговор с подружкой, когда она в два часа вернулась после «девичьего» ланча. Мама почти никогда не обнимала меня, и думаю, ей вообще была неприятна физическая близость. В ее душе не было места покою, поэтому она не могла внушить покой кому-то еще. Это как добрые советы: давать их гораздо легче, чем получать. Не думаю, что она никого не любила. Никогда ничего такого я не чувствовала. Ну ладно, может быть, и почувствовала пару раз.

Обнявшись, мы с Барбарой стояли на краю дороги и плакали, и еще она снова и снова просила у меня прощение за то, как несправедливо судьба обошлась со мной. Когда же мы отправились дальше, Барбара никому не уступала дорогу, так что все машины гудели нам, а она делала вид, будто ничего не слышит.

Поплавав, мы как будто избавились от лишнего напряжения. Знаете, это было похоже на то, как грозовые тучи собираются и собираются, а дождя все нет и нет, – так было и с нами весь путь от Киллини. А потом случился взрыв. Мы частично избавились от груза свалившихся на нас бед и подготовились к тому, что ждало нас впереди. Правда, у нас не осталось времени, потому что стоило нам повернуть во второй раз, и мы оказались на месте. Дом, милый дом. По правую руку стояли ворота, и сразу за ними, слева, был нужный дом. Розалин и Артур ждали нас у зеленой калитки, и один Бог знает, сколько времени им пришлось там простоять, несчастным Гензелю и Гретель. Мы опоздали не меньше, чем на час. Если бы они даже решили не показывать, насколько они расстроены, им бы это не удалось после того, как они увидели наши лица. Не зная, что цель близка, мы не успели взять себя в руки. У нас с Барбарой были красные глаза, мама сидела на переднем сиденье с выражением ярости на лице,

мои волосы свалялись хуже обычного.

Мне не пришло в голову, насколько тот момент мог быть тяжел для Артура и Розалин. Я была поглощена собой и тем, как мне не хотелось оставаться у них, поэтому ни разу не подумала, каково им было открыть двери двум людям, с которыми они практически не поддерживали никаких отношений. Наверное, им это было невероятно тягостно, а я даже ни разу не поблагодарила их.

Барбара и я вылезли из машины. Она направилась к багажнику, чтобы достать наши вещи и, полагаю, чтобы дать нам время поздороваться. Этого не произошло. Продолжая неподвижно стоять, я не сводила глаз с Артура и Розалин, которые тоже не двигались с места, и мне пришло в голову, что напрасно я не посыпала крошками дорогу от Киллини, ведь иначе мне не найти ее снова.

Розалин переводила взгляд с меня на Барбару и обратно, напоминая мангусту, которая пытается осмыслить все и всех сразу: спортивную машину, маму, меня, Барбару. Она крепко сцепила руки на животе, но время от времени давала им волю, позволяя себе оправить юбку, словно принимала участие в деревенском конкурсе красоты. Наконец мама открыла дверцу, вылезла наружу и, встав на гравий, оглядела дом. Неожиданно от ее ярости не осталось и следа, и она улыбнулась, показывая испачканные красной помадой зубы:

– Артур!

Она протянула ему руку, как будто открыла дверь своего дома и пригласила его на обед.

Втягивая в себя воздух вместе с соплями, Артур фыркнул – я услышала это в первый раз и скривила губы от отвращения. Потом он сделал шаг навстречу маме, и она, взяв его за руки, поглядела на него, склонив набок голову и все еще странно улыбаясь, словно ей неудачно сделали подтяжку. Потом мама подалась вперед и прижалась к нему лбом. Постояв на пару секунд дольше, чем я предполагала, он потрепал ее по затылку и отошел. Меня он тоже довольно больно потрепал по затылку, словно я была его любимой колли, отчего волосы у меня еще больше спутались, а потом отправился помогать Барбаре. Нам с мамой ничего не оставалось, как глядеть на Розалин, вот только мама не глядела на нее. Закрыв глаза, она глубоко вдыхала свежий воздух и улыбалась. Несмотря

на малоприятную встречу, у меня сложилось впечатление, что переезд пойдет маме на пользу.

Тогда я меньше беспокоилась о ней, чем теперь. Прошел всего месяц после похорон папы, и мы еще не были в состоянии говорить о нем друг с другом или с кем-нибудь из знакомых. Зато с нами все время пытались заговорить о нем, сказать что-нибудь милое и бестактное, что первым приходило в голову, словно люди хотели утешиться сами, а не утешить нас, и никто не обращал внимания на мамины странности. Кто бы ни подходил к ней, она одинаково тяжело вздыхала и время от времени произносила пару междометий. Похороны, как это ни ужасно, похожи на некую игру. Надо помнить правила, говорить банальности и, не дай Бог, не сорваться до конца церемонии. Надо быть учливой, не слишком часто улыбаться; делать печальный вид, но желательнее не перестараться, чтобы родственникам не стало еще хуже. Надо всем своим видом демонстрировать оптимизм, однако не настолько, чтобы тебя обвинили в недостатке сочувствия или неумении совладать с реальностью. Если же вести себя по-настоящему искренне, то на тебя будут указывать пальцем и не оберешься пересудов, не говоря уж о слезах, всхлипываниях и криках.

Похоже, пора придумать «Оскар» за поведение в реальной жизни. Лучшей Актрисой непременно была бы Элисон Фланаган! Чтобы пройтись по «красной дорожке» супермаркета в прошлый понедельник, она сделала полный макияж, заново уложила волосы, хотя больше всего на свете ей хотелось умереть, и широко улыбнулась Саре и Деирдре из Ассоциации родителей – словом, вела себя так, словно это не ее накануне бросил муж, оставив одну с тремя детьми. Поднимайся на сцену, Элисон, и получай свою награду! А Лучшей Актрисой Второго Плана стала бы женщина, которая заняла ее место и в тот злосчастный понедельник оказалась в соседнем проходе в супермаркете. Она сочла за благо побыстрее удалиться и даже не успела купить все нужные ингредиенты для любимой лазаньи своего новоиспеченного друга. Лучшего Актера присудили бы Грегори Томасу за представление, которое он устроил на похоронах своего отца, с которым за два года не перемолвился ни словом. А Лучшим Актером Второго Плана непременно назвали бы Лео Малкахи за роль шафера на свадьбе своего лучшего друга Симона, взявшего в жены единственную женщину, которую Лео любил и всегда будет любить всем сердцем. Давай, Лео, принимай аплодисменты!

Примерно в таком роде я думала и о маме, мол, она всего лишь играет роль правильной вдовы, но потом, когда ее поведение не изменилось и она как будто

не совсем осознавала, что происходит, раздавая направо и налево одни и те же междометия и вздохи, моя уверенность поколебалась. Я и теперь не знаю, насколько она действительно с нами, а насколько притворяется, чтобы реальность ее не коснулась. Что-то надломилось в моей маме, теперь я не сомневаюсь, сразу после смерти отца, и когда на нее перестали смотреть, когда люди вернулись к своей обыденной жизни, этот надлом стал шириться, хотя мне казалось, что я единственная, кто это замечает.

Дело не в банке, который повел себя на редкость нерационально и самым оскорбительным образом выставил нас на улицу. Его служащие успели вручить отцу уведомление о дате изымания собственности, однако, не попрощавшись с нами, он также не поставил нас в известность, что это было второе уведомление. И хотя нам позволили остаться в доме дольше, чем мы предполагали, все-таки уехать пришлось. Примерно с неделю мы прожили у Барбары, на территории ее филиппинской няньки. Но потом нам пришлось оставить дом маминой подруги, так как все семейство собралось ехать на лето в Сен-Тропе, где у Барбары с мужем был свой дом, и она побоялась, как бы мы не стащили ее столовое серебро.

Несмотря на то что я сказала, мол, не беспокоилась за маму, когда мы подъехали к дому у ворот, это вовсе не значит, будто я в самом деле совсем ничего не замечала. Я и прежде предполагала, что маме надо показаться врачу, а теперь я совершенно уверена, что ей надо пройти обследование в одном из тех мест, где люди весь день носят белые халаты с завязками сзади и раскачиваются взад-вперед, взад-вперед в коридорах. Это Барбаре я сказала о том, что маме нужно посетить врача, и она, усадив меня в кухне, снисходительно объяснила, мол, мама «горюет». Сами представляете, до чего восхитительно услышать нечто подобное в шестнадцать лет? И я приготовилась к серьезному разговору о том, как надо вести себя с мамой. Но Барбаре было не до этого. Она попросила меня сесть на чемодан, чтобы удобнее было застегнуть его, так как Лулу, без которой она вряд ли справилась бы со своей жизнью, повезла детей на урок верховой езды. Что ж, я уселась на ее раздутый чемодан марки «Луи Вюиттон», и Барбара упаковала бикини под зебру, сандалии и умопомрачительные шляпы, а я пожелала ей, чтобы молния не выдержала и сломалась в аэропорту Сен-Тропе и из чемодана с громким жужжанием выпал бы вибратор, привлекая всеобщее внимание.

Довольно долго мы простояли неподвижно перед моим новым домом в первый день моей новой жизни. Мама опустила веки, Розалин с любопытством смотрела

на меня своими зелеными глазами и время от времени облизывала губы розовым язычком, Артур фыркал в сторону Барбары, не желая, чтобы она бралась за чемоданы, ну а Барбара со своим нежно-оранжевым лицом умпы-лумпы[7 - В первом издании (1964) классического детского романа Роалда Дала «Чарли и шоколадная фабрика» неутомимые и преданные умпа-лумпы были черными, а не оранжевыми. Дал описал их как племя из 3000 пигмеев, вывезенных мистером Вонкой из «самого непроходимого и самого темного уголка африканских джунглей, куда не ступала нога белого человека», чтобы заменить уволенных с фабрики белых работников. Умпа-лумпы питались исключительно шоколадом, хотя до этого ели только «жуков, гусениц, листья эвкалипта и кору дерева бонг-бонг».], одетая в теплый спортивный костюм и кожаные «вьетнамки», с изумлением наблюдала за Артуром, вероятно, с трудом удерживаясь, чтобы не заткнуть ему чем-нибудь нос. С собой у нее в то утро был лишь баллончик со спреем для искусственного загара.

- Дженнифер, - наконец нарушила молчание Розалин.

Мама открыла глаза и лучезарно улыбнулась, отчего мне показалось, будто она узнала Розалин и поняла, где и зачем находится. Если бы вы, как я, не провели с ней чуть ли не каждую секунду всего последнего месяца, то могли бы счесть ее совершенно нормальной. Ей неплохо удавалось блефовать.

- Добро пожаловать, - улыбнулась Розалин в ответ.

- Да. Спасибо, - мама правильно выбрала слова из своего теперешнего небольшого запаса.

- Пойдемте, пойдемте. Вам нужно выпить чаю, - продолжала Розалин с непонятной настойчивостью, словно иначе нам грозила смерть.

Мне не хотелось никуда идти. Мне не хотелось идти в дом, потому что не хотелось начинать новую жизнь. Да, так оно и было. В прошлом остались общие заботы о похоронах, там же осталось гостеприимство Барбары. Предстояло устанавливать новые взаимоотношения.

Нагрузившись чемоданами, Артур, королевская креветка, прошмыгнул мимо меня и пошел по садовой тропинке. На вид он казался слабее.

Когда захлопнулась крышка багажника, я развернулась и увидела, что Барбара крутит в руках ключи от машины и переминается с ноги на ногу. Только тут я обратила внимание, что между пальцами у нее проложена вата. В сомнении глядя на меня, она неловко молчала в напрасном поиске прощальных слов.

– А я и не знала, что вы тоже делаете педикюр, – произнесла я, попытавшись заполнить паузу.

– Да. – Барбара опустила голову и подвигала пальцами, словно подтверждая свое «да». Лакированные большие пальцы сверкнули бриллиантами. – У Даниэлы есть яхта, и она пригласила нас завтра на коктейльную вечеринку.

Далеко не всем понятна связь между педикюром и яхтой, но я поняла. На яхте придется ходить босиком, поэтому женщины постараются перещеголять одна другую украшениями на ногах. Они нашли бы способ украсить их и под колготками, если бы больше нечего было украшать.

Мы молча смотрели друг на друга. Барбара мечтала уехать. Я жаждала уехать вместе с ней. Мне тоже хотелось походить босиком по средиземноморскому пляжу, пока Даниэла будет фланировать между гостями, изящно держа в пальчиках с французским маникюром[8 - Французский маникюр появился около тридцати лет назад в Голливуде, а не во Франции, как принято считать. Этот вид маникюра очень быстро стал популярным во всем мире. Французский маникюр, изысканно простой и естественный, подходит к любым рукам и к любому образу. Классический вариант французского маникюра выглядит неброско.] бокал, наполненный мартини, и глубокий вырез платья от Кавалли будет демонстрировать ее груди так же откровенно, как мартини – оливку с перчиком. С капитанским головным убором на голове она будет словно капитан Бердси[9 - Рекламная фигура на коробках с замороженной рыбой.] в дамском платье. Почему я не могу быть с ними?

– Дорогая, тебе тут будет хорошо, – сказала Барбара, и мне показалось, что она говорит искренне. – У тебя есть семья.

Тогда я с сомнением посмотрела на дом «Гензеля и Гретель» и едва не заплакала.

– Ах, дорогая, – повторила Барбара и, сделав шаг вперед, протянула ко мне руки. Она и вправду отлично умела обниматься и не испытывала ни капли неловкости. То ли из-за этого, то ли из-за имплантатов мне было удобно на ее груди. Я крепко прижалась к ней и закрыла глаза, однако немного раньше, чем мне бы хотелось, Барбара отстранила меня, и я вновь оказалась в реальной жизни.

– Что ж, – она медленно подошла к машине и положила руку на дверцу. – Не стоит травмировать твоих родственников, так что, пожалуйста, передай им...

– Заходите, заходите, – вновь пропела Розалин из темного холла, не дав Барбаре залезть внутрь. – Заходите, – проговорила Розалин с порога. – Разве вы не выпьете с нами чаю? Извините, не знаю вашего имени. Дженнифер не говорит.

Придется ей привыкнуть. Дженнифер не только этого не говорит.

– Барбара, – произнесла Барбара, и я заметила, как у нее побелели костяшки пальцев, сжимавших ручку дверцы.

– Барбара, – повторила Розалин, по-кошачьи сверкнув глазами. – Как насчет чашечки чая перед дорогой, Барбара? У нас есть свежие булочки и домашний клубничный джем.

Лицо Барбары застыло в напряженной улыбке, пока она старалась придумать хоть какую-то отговорку.

– Она не может, – ответила я вместо Барбары, и та сначала с благодарностью, а потом с очевидным чувством вины посмотрела на меня.

– А...

У Розалин вытянулось лицо, словно я испортила ей чаепитие.

– Ей надо ехать домой, чтобы смыть свой чертов загар, – добавила я. Я же говорила, что была на редкость противной особой, к тому же, хотя я не имела никакого отношения к Барбаре и у нее была своя жизнь, к которой ей предстояло вернуться, все равно мне показалось, что она бросает меня. – И пальцы на ногах у нее еще не высохли, – проговорила я, пожав плечами.

– А... – смутилась Розалин, словно я говорила на языке Кельтского Тигра[10 - Вероятно, имеется в виду представление Майкла Флэтли, или Кельтского Тигра, которое совмещает в себе ирландские танцы с балетом, фламенко, хип-хопом и сальсой наряду с игрой Майкла Флэтли на флейте и являет собой танцевальную интерпретацию истории Ирландии – предмета, очень близкого сердцу Флэтли.]. – Может быть, кофе?

Тут я разразилась хохотом, окончательно смутив Розалин. За моей спиной Барбара переступила с ноги на ногу, не взглянув на меня. Я облегчила ей отъезд. Даже в спортивном костюме и шлепанцах, даже с грязной покрашенной шеей, Барбара выглядела экзотической птицей рядом с Розалин. Потом Розалин, словно бабочку, поглотил дом, похожий на венерину мухоловку.

Несмотря на ее умоляющий взгляд, я все еще не могла решиться и войти внутрь.

– Поброжу вокруг, – сказала я.

Похоже, Розалин была разочарована, словно я отказывала ей в чем-то очень ценном. Я ждала, когда она уйдет, растворится во тьме коридоров, словно в другом измерении, но она не двигалась с места. Она стояла на пороге, пристально следя за мной, и тогда до меня дошло, что первый шаг придется сделать мне. Пока она сверлила меня взглядом, я огляделась. Куда идти? Слева был дом, за спиной – открытые ворота, которые выходили на главную дорогу, передо мной – деревья и справа – тропинка, ведущая в темную рощу. Я направилась к главной дороге. И ни разу не оглянулась, потому что не хотела знать, стоит ли она еще на пороге. Однако пока я шла, у меня появилось чувство, что не одна Розалин наблюдает за мной. Меня как будто выследил некто, прячущийся за могучими деревьями. Такое чувство бывает, когда вторгаешься в мир природы, где тебе нет места, во всяком случае, куда тебя не звали. Все стоящие вдоль дороги деревья, как один, развернулись в мою сторону.

Если бы навстречу мне, размахивая мечами, скакали на лошадях воины в доспехах, я бы приняла это как должное. Здешнее поместье было словно пропитано историей, населено призраками прошлого, и теперь мне предстояло разыграть тут свою историю. Деревьям многое пришлось повидать, но все же я заинтересовала их, и, пользуясь легким летним ветерком, листья потихоньку перешептывались друг с другом, словно обменивались слухами и сплетнями и им ничуть не наскучивало видеть все новых и новых персонажей.

Я шагала по главной аллее, пока деревья, искусно скрывавшие замок, не расступились. И хотя я шла по направлению к замку, он словно свалился ниоткуда, незаметно, на цыпочках, подобралшись ко мне с прижатым к губам пальцем, как будто ему сотни лет не хватало приключений. Я остановилась как вкопанная. И показалась себе крохотной песчинкой перед большим замком. Мне даже почудилось, что в руинах он более властный и нетерпимый, так как выставил напоказ все свои шрамы, все раны и дыры, полученные в битвах. А я стояла, напоминая себе тень той девочки, которой была, тоже выставившей напоказ свои шрамы. У нас было много общего.

Мы немного поизучали друг друга, и я зашагала дальше, отчего он даже не поморщился.

Хотя я могла войти в замок через дыру в боковой стене, мне показалось более учтивым воспользоваться другой дырой, на месте которой когда-то стояли главные ворота. Не знаю, с кем я играла в учтивость, однако сочла более уместным обратиться к менее суровой стороне замка. Постояв у двери и таким образом выдержав вежливую паузу, я вошла внутрь и увидела много травы и много камней. Меня поразила удивительная тишина, и мне почудилось, будто я вторглась в чей-то дом. Замерли, глядя на меня, сорняки, одуванчики, крапива. Не знаю почему, но я расплакалась.

С одинаковой печалью я прежде смотрела на муху, а теперь смотрела на замок, но если по правде, то с печалью я в первую очередь воспринимала самое себя. У меня появилось ощущение, будто я слышу, как стонет и плачет замок, всеми брошенный и разрушающийся, тогда как деревья вокруг поднимаются все выше и выше. Когда я подошла к одной из стен и увидела, из каких огромных камней она сложена, то представила, какими сильными были руки людей, тащивших эти камни, точнее, которых заставляли их тащить. Усевшись на корточки в углу, я прижалась ухом к стене и закрыла глаза. Не знаю, что мне хотелось услышать, собственно, я даже не знала, почему это делаю, но я как будто старалась успокоить стену, правда-правда, именно эта мысль крутилась у меня в голове.

Если бы я рассказала об этом Зои и Лауре, они срочно увезли бы меня в Дом моды для детей, тем не менее у меня появилось чувство, будто нас с замком что-то объединяет. Возможно, это оттого, что я потеряла свой дом и мне больше ничего не принадлежало, а здесь я набрела на руины и пожелала сделать их своими. Наверное, одиноким людям свойственно к чему-то прижиматься, чтобы

забыть о своем одиночестве. Для меня этим «чем-то» стал замок.

Понятия не имею, сколько времени я провела в замке, разве что солнце понемногу пряталось за деревьями, расцветивая зайчиками руины при каждом порыве ветра. Какое-то время понаблюдав за этим, в конце концов я сообразила, что тени сгущаются и скоро станет совсем темно. Наверняка было около десяти часов.

От долгого сидения в одном положении у меня затекли ноги, и мне потребовалось довольно много времени, чтобы встать. Уголком глаза я увидела какое-то движение. Тень. Человек. Не зверь. Но бросок стремительный. Не желая попасть в когти кому бы то ни было, я повернулась спиной ко входу в замок и стала торопливо отступать. Тут опять послышался шум – заухал филин, и я, перепугавшись, была готова дать деру. Не видя, куда ступаю, я наткнулась на камень, перелетела через него и упала в траву. Когда ударилась головой, то застонала и услышала страх в своем голосе, потому что вляпалась невесть во что с невесть какой живностью. В глазах потемнело, потом черные точки появились там, где должна была проходить линия полупровалившейся крыши на фоне синего неба. Я вскочила, руками помогла себе выпрямиться и стала карабкаться по щебенке и камням, не думая о царапинах и не оглядываясь, а потом побежала так быстро, как только могла в шлепанцах угги[11 - Модные австралийские сапожки и шлепанцы из овчины.]. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем появился уже знакомый дом, словно дорога и деревья сговорились подольше задержать меня на «беговой дорожке».

Наконец я увидела его. Спортивный автомобиль Барбары исчез, и я осознала, что навсегда отрезана от своего прежнего мира. Мост поднят. Едва дом попал в поле моего зрения, как дверь отворилась и на пороге появилась высматривающая меня Розалин, словно она никуда не уходила все это время.

– Быстреей, быстреей, – настойчиво повторила она.

В конце концов я переступила порог, за которым началась моя новая жизнь. В некогда чистеньких розовых угги, которые стали грязными после моей «прогулки» по двору замка, я вошла в темный холл с каменным полом. В доме стояла мертвая тишина.

– Дай-ка взглянуть на тебя, – произнесла Розалин, крепко взяв меня за руки и отступив на шаг назад, видимо, чтобы сделать полный обзор. Она оглядела меня с ног до головы раз, другой, третий... Я попыталась вырваться, но Розалин почти инстинктивно не отпустила меня, но потом, поразмыслив и увидев, как изменилось у меня лицо, ослабила хватку.

Ее голос зазвучал ласковее.

– Я заштопаю их. Положи в корзинку около кресла в гостиной.

– Что заштопаете?

– Твои брюки.

– Это джинсы. Они такими и должны быть. – Я поглядела на джинсы, на которых было столько дыр, что почти не оставалось живого места, а через дыры увидела леопардовые колготки – собственно, в этом и заключалась главная идея. – Хотя их надо постирать.

– А... Тогда оставь в корзинке, что в кухне.

– У вас много корзин.

– Всего две.

Не думаю, что в моих словах прозвучала насмешка или заключалась некая умная мысль, но, так или иначе, Розалин пропустила их мимо ушей.

– Ладно. Я пойду в свою комнату... – проговорила я и стала ждать, что она скажет, но она всего лишь молча смотрела на меня. – Куда мне идти?

– Может быть, сначала выпьешь чаю? Я испекла яблочный пирог.

В ее голосе я услышала мольбу.

– О нет, спасибо. Я не голодна.

Однако в этот момент у меня забурлило в животе, и мне оставалось только надеяться, что Розалин этого не услышала.

- Ну, конечно. Конечно же не голодна, - тихонько упрекнула она себя.

- Где моя комната?

- Наверху, вторая дверь налево. У твоей мамы последняя комната направо.

- Хорошо. Сначала зайду к ней, - сказала я и пошла наверх.

- Нет, малышка, - торопливо произнесла Розалин. - Ей нужен покой. Она отдыхает.

- Я всего лишь пожелаю маме спокойной ночи, - натянуто улыбнулась я.

- Нет-нет, не беспокой ее, - твердо стояла на своем Розалин.

Я стерпела это.

- Хорошо.

И я начала медленно подниматься по лестнице, скрипевшей при каждом моем шаге. С площадки между двумя пролетами я видела коридор и Розалин, которая все еще стояла на месте и следила за мной. Натянуто улыбнувшись, я прошла в свою комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, чувствуя, как громко стучит у меня в груди сердце.

Простояв так минут пять и едва взглянув на комнату (а что глядеть, если мне предстояло в ней жить?), я не потеряла желания повидаться с мамой. Когда я опять потихоньку открыла дверь и высунула в проем голову, то не увидела Розалин. Она ушла. Открыв дверь пошире, я переступила через порог и подпрыгнула от неожиданности. Розалин стояла у маминой двери и стерегла ее, словно собака.

- Я посмотрела, как она, - прошептала Розалин, сверкнув зелеными глазами. - Твоя мама спит. Да и тебе надо отдохнуть.

Ненавижу, когда мне говорят, что делать. До сих пор я обычно в таких случаях поступала наоборот, но что-то было такое в голосе Розалин, в ее взгляде, в ее позе, да и вообще в доме, что мне стало ясно – здесь я не хозяйка. Не говоря ни слова, я вернулась в свою комнату и закрыла дверь.

Позднее, когда внутри и снаружи уже стояла непроницаемая чернота, так что нельзя было различить контуров даже знакомых предметов, я проснулась от ощущения, что не одна в комнате. Я слышала чье-то дыхание над кроватью и ощущала знакомый запах лавандового мыла, поэтому покрепче закрыла глаза и сделала вид, будто сплю. Не знаю, сколько времени Розалин простояла надо мной, но мне показалось, что прошла целая вечность. Даже после того как она ушла и тихо закрыла дверь, я еще долго не открывала глаза, и у меня до того громко стучало сердце, что я боялась, как бы она не услышала. А потом я заснула.

Глава четвертая

Слон в комнате

Наутро, когда еще не было шести часов, я проснулась под переключку птиц за окном. Из-за их непрерывного свиста и щебета мне показалось, будто ночью кто-то поднял дом и перенес его в птичье царство. Их безразличные к остальному миру, оглушительные крики напомнили мне о строителях, которых мы нанмали, чтобы они выкопали бассейн, и которые шумели так громко и нагло, словно это они были хозяевами в нашем доме. Один парень, его звали Стив, постоянно подглядывал за мной, когда я переодевалась в спальне. И один раз утром я ему кое-что показала. Нет, не подумайте плохо. Просто я приколола три пряди волос к бикини – сами знаете куда, – а потом сняла банный халат и стала прохаживаться по комнате, как Чубакка, делая вид, будто ничего не замечаю. После этого он ни разу не поднял на меня взгляд, а вот другие, наоборот, стали глядеть на меня во все глаза, стоило мне пройти мимо, так что, по всей вероятности, грязный мерзавец поделился с ними своим секретом. Здесь таких игр точно не будет, хотя почему бы мне не устроить спектакль для рыжей белки? Пусть от страха свалится с дерева!

Сине-белые клетчатые занавески не спасали от солнечных лучей. Комната была ярко освещена, как бар перед закрытием, выставляющий напоказ всех своих порочных завсегдаев, не говоря уж о пьяницах и мошенниках. Проснувшись, я лежала в постели и оглядывала комнату, которая теперь стала моей комнатой. Обставлена она была простенько, однако, как ни странно, от нее исходило настоящее тепло. И дело не только в солнечных лучах, проникавших внутрь, но также в уютных вещичках в стиле Лоры Эшли[12 - В Британии, а затем и в других странах огромной популярностью пользовался стиль Лоры Эшли (1925–1985). В 1953 г. уроженка Уэльса основала фирму по производству текстильных товаров – одежды и изделий для дома из хлопка с набивными рисунками.], и хотя до тех пор я искренне ненавидела всю эту элегантную мишуру, здесь она оказалась как нельзя на месте. Не на месте она была в спальне моей подружки Зои, где ее мама славно потрудились для десятилетней дочери, несомненно, желая убедить себя в ее чистоте и невинности. Она словно упрятала свою дочь в банку с рассолом. Однако это не сработало. Зои не стоило труда открывать банку, едва ее мама отворачивалась, и, кстати, она не просто полюбила, а очень полюбила рассол.

Так как комната находилась наверху, потолок был скошенный и спускался в сторону окна. В углу стояло скрипучее белое кресло, и в нем лежала старая сине-белая клетчатая подушка. Выкрашенные в бледно-голубой цвет, стены не производили холодного впечатления. Белый комод был слишком большим для моих запасов нижнего белья. Меблировку завершала металлическая кровать с белыми простынями и голубым с цветочками пуховым одеялом, а также голубым вязаным покрывалом, сложенным в ногах. Над дверью висел простой крест с изображением святой Бригитты[13 - В католической традиции святая Бригитта считается покровительницей Ирландии.]. На подоконнике стояла ваза с полевыми цветами – лавандой, колокольчиками и другими, названия которых я не знала. Розалин постаралась на славу.

Снизу до меня донесся шум. Звенели тарелки, бежала вода, свистел чайник, шипела сковородка. Запахло едой. Тут я сообразила, что в последний раз ела вчера днем у Барбары, когда Лулу приготовила нам божественное сашими[14 - Сашими – нарезанное филе рыбы без примеси риса или других ингредиентов, кроме соуса или приправ (японская кухня).]. И еще я совсем забыла про туалет, так что мочевой пузырь и желудок вытащили меня из постели. Благодаря тонюсеньким стенам я правильно поняла, почему соседнюю дверь то открывают, то закрывают. Мне было слышно, как поднимают крышку с толчка, как льется моча и бьется о фаянсовое дно. Она лилась с приличной высоты, значит, если Розалин не вставала на ходули, это был Артур.

Судя по звукам, доносившимся из кухни и ванной комнаты, мамы не было ни там, ни там. И так, если повезет, мне удастся ее увидеть. Надев розовые угли, я завернулась в голубое одеяло и скользнула по коридору к маминной комнате.

Несмотря на то что я изо всех сил старалась не шуметь, доски на полу скрипели при каждом моем шаге. Потом я услышала, как спускают воду в уборной, бегом бросилась вперед, и естественно, без стука ворвалась к маме. Не знаю, какой я предполагала ее увидеть, но думаю, похожей на ту маму, которую я видела каждое утро за прошедшие две недели. В спальне должно было быть темно, как в пещере, и я собиралась найти маму на кровати, с головой укрытую одеялом. Однако мамина спальня приятно меня удивила. В ней было светлее, чем у меня, – что-то вроде бывшей кладовки, где царили чистота и прохлада. На подоконнике тоже стояла ваза с лютиками, одуванчиками и какой-то травой на длинных стеблях, перевязанными желтой лентой. Похоже, мамина комната находилась непосредственно над гостиной, так как вдоль стены расположился камин с фотографией Папы над ним, при виде которой я вздрогнула. Но не Папа – хотя я бы предпочла видеть Зака Эфрона [15 - Зак Эфрон (р. 18 октября 1987 г.) – американский актер и певец. Снимается в фильмах с 2002 г.] на своей стене, – а камин испугал меня. Никогда не любила камин. Белый снаружи и черный внутри, этот камин выглядел так, словно его постоянно использовали, и мне показалось это странным в необитаемой комнате. Наверное, моим родственникам часто приходилось принимать гостей, хотя на первый взгляд они не показались мне любителями вечеринок. Только потом я обратила внимание на смежную ванную комнату и поняла, что Розалин и Артур отдали маме свою спальню.

Мама сидела в кресле-качалке, однако не качалась, а сидела неподвижно и смотрела в окно, которое выходило в сад позади дома. Ее волосы были тщательно причесаны, она надела абрикосового цвета шелковый халат и накрашила губы абрикосовой помадой, которой пользовалась со дня похорон папы. На губах застыла едва заметная улыбка, которую легко было не заметить, но она была, и вид у моей мамы был такой же, как вчера, словно она глубоко задумалась. Когда я подошла поближе, она подняла голову и приветливо улыбнулась.

– Доброе утро, мама, – сказала я и, поцеловав ее в лоб, пристроилась на краешке уже убранный кровати. – Хорошо спала?

- Да, спасибо, - радостно отозвалась мама, и у меня сразу отлегло от сердца.

- Я тоже, - услышала я свой голос. - Здесь очень тихо, правда?

Я решила не упоминать о том, как Розалин ночью приходила в мою комнату, опасаясь, что это мне приснилось. Неприятно обвинять человека, не получив подтверждения его вины.

- Да, правда, - повторила мама.

Мы сидели и смотрели на сад. Посреди участка в один акр рос дуб, протянувший ветки во все стороны, словно предлагая влезть на него. Красивое дерево всей своей роскошной зеленой кроной настойчиво тянулось ввысь. Оно было могучим и стойким, и мне стало понятно, почему мама не сводила с него глаз. В его тени жизнь казалась безопасной и спокойной, и если дуб уже простоял несколько сотен лет, то можно было рассчитывать, что он простоит еще долго. В нашей пошатнувшейся жизни он как будто стал символом стабильности. С одной ветки на другую перелетала малиновка, словно от счастья, что заполучила для себя одной все дерево, и мне показалось, что она похожа на малыша, который один распоряжается в оркестре. Никогда прежде мне не приходилось наблюдать ничего, подобного здешнему дереву и здешней птичке. Но, даже увидев, я не додумалась бы сравнить малиновку с ребенком, который единолично властвует над всеми инструментами. У Зои и Лауры наверняка возникли бы подозрения на мой счет. Во всяком случае, у меня самой они возникли. Вспомнив о подружках, я затосковала по дому.

- Мама, мне тут не нравится, - наконец, едва не плача, проговорила я дрожащим голосом. - Неужели мы не можем жить в Дублине? Там наши друзья.

Мама посмотрела на меня и ласково улыбнулась:

- Да нет, нам будет тут хорошо. Все уладится.

Мне стало легче, когда я услышала ее слова, произнесенные твердо, уверенно, ведь я снова обрела главного человека в своей жизни, на которого могла положиться.

– А мы надолго тут? Какие у нас планы? В какую школу я пойду осенью? Можно мне вернуться в школу Сент-Мери?

Все еще улыбаясь, мама отвернулась от меня и вновь стала смотреть в окно.

– Нам будет тут хорошо. Все уладится.

– Мама, я знаю, – произнесла я в отчаянии, но стараясь не выдать себя голосом. – Ты уже говорила. Но сколько времени мы пробудем тут?

Она промолчала.

– Мама! – позвала я несколько тверже, чем прежде.

– Нам будет тут хорошо, – повторила она. – Все уладится.

Я могу быть хорошей, но только когда хочу, поэтому я наклонилась к ее уху, намереваясь сказать нечто такое, что даже не могу написать, но тут раздался тихий стук в дверь, и почти тотчас на пороге появилась Розалин.

– Вы обе здесь, – произнесла она, словно обыскала весь дом, прежде чем обнаружила нас.

Я отпрянула от мамы и вновь уселась на кровати. Не отрываясь, Розалин смотрела на меня, словно хотела прочитать мои мысли. Потом выражение ее лица потеплело, и она вошла в комнату с серебряным подносом в руках и в новом наряде в стиле «чайного платья»[16 - Особое платье для чаепития в пять часов.], из-под которого высывалась комбинация.

– Ну как, Дженнифер, ты хорошо спала?

– Да, прекрасно.

Мама с улыбкой повернулась к Розалин, и я поняла, что не злюсь на нее, когда она обманывает других, лишь бы не обманывала меня.

– Я рада. И еще я приготовила тебе завтрак, так, чуть-чуть, просто чтобы у тебя были силы.

Розалин продолжала что-то говорить и одновременно, не останавливаясь, ходила по комнате, передвигала стулья, ставила на место кресла, поправляла подушки. А я тем временем наблюдала за ней.

Чуть-чуть, сказала она. Такого чуть-чуть хватило бы на несколько сотен завтраков. На подносе не было пустого места. Нарезанные фрукты, овсянка, тарелка с тостами, два вареных яйца, небольшая пиала, насколько я поняла, с медом, одна розетка с клубничным джемом и другая с мармеладом. Еще на подносе стояли заварной чайник, молочник, сахарница, лежали полный столовый прибор и салфетки. Неплохо, наверное, для человека, у которого все проблемы утром решены с низкокалорийным батончиком и кофеваркой, и, лишь сочтя, что этого требует долг вежливости, мама согласилась принять поднос.

– Очаровательно, – сказала она, глядя на поднос, который был поставлен на деревянный столик, и как будто не обращая внимания на Розалин. – Спасибо.

Тогда я подумала: понимает ли мама, что расставленные на подносе продукты должны быть съедены и что они не произведения искусства, которыми можно лишь любоваться?

– Мы тебе очень рады. Хочешь еще чего-нибудь?

– Свой дом, свою жизнь...

Это прозвучало с изрядной долей ехидства, хотя в мои намерения вовсе не входило смеяться над Розалин, которая лишь попалась мне под руку. Я хотела выпустить пар. Тем не менее не исключено, что Розалин приняла мои слова на свой счет. Она явно разволновалась – ну, не знаю! – была обижена, сбита с толку, рассержена. Она смотрела на маму, желая убедиться, что та никак не отреагировала на мой выпад.

– Не бойтесь, она не слышит меня, – проговорила я, наскучив происходящим и теребя кончики волос. Я изо всех сил старалась сделать вид, что совершенно не обеспокоена состоянием мамы, однако сердце отчаянно колотилось у меня в груди.

– Конечно же, детка, она все слышит, – возразила Розалин, продолжая передвигаться по комнате, переставлять вещи, протирать их, привычно наводя порядок.

– Вы так считаете? – Я наморщила лоб. – Мама, что ты думаешь? Нам будет тут хорошо?

Мама поглядела на меня и улыбнулась:

– Конечно, нам будет тут хорошо.

Предвидя ответ, я изобразила ее обычно веселый голос, так что мы проговорили фразу дуэтом, остудив пыл Розалин. Мне тоже было не по себе, когда мы произносили: «Нам будет тут хорошо».

Розалин замерла и уставилась на меня.

– Правильно, мама. Нам будет тут хорошо. – У меня дрогнул голос. Но я решила идти до конца. – Посмотри на слона в твоей спальне. Правда, он милый?

Мама смотрела на дуб в саду, не убирая с губ едва заметной улыбки.

– Да. Он милый.

– Так я и думала, что ты это скажешь.

Сглотнув слюну, я постаралась не заплакать и не закричать, когда глядела на Розалин. Вероятно, мне надо было ощущать удовлетворение, но, я только еще сильнее растерялась. До того момента я думала только о том, что с мамой не все в порядке. Теперь я получила доказательство этому, и мне сделалось еще хуже.

Маму наверняка отправят к психоаналитику или адвокату, и тогда ей поставят диагноз, чтобы она начала лечиться.

– Твой завтрак на столе, – только и сказала Розалин, после чего повернулась ко мне спиной и покинула мамину спальню.

Вот так у Гудвинов решаются все проблемы. Их волнует только то, что на поверхности, и заглянуть поглубже не хватает смелости: а вдруг и вправду слон в комнате? Кажется, именно в то утро я осознала, что выросла со слонами в каждой комнате. Слоны были нашими семейными любимцами.

Глава пятая

Gregve

Я занялась своей одеждой, ведь других дел у меня не было. Потом, вся дрожа, стояла в ванне цвета авокадо, пока горячая вода тоненькой струйкой детского пис-пис бежала у меня по спине, а я с тоской вспоминала о своей розовой ванной комнате с мозаичным полом, настоящим мощным душем и плазменным телевизором в стене.

К тому времени когда я смыла весь шампунь – бороться с кондиционером не имело смысла, – высушила волосы и спустилась вниз, Артур доедал последний кусок на своей тарелке. Мне стало интересно, рассказала ли ему Розалин о том, что произошло в маминной спальне. Наверное, нет, потому что, будь он хорошим братом, обязательно отреагировал бы на это. Вряд ли то, что он лез своим длинным носом в чашку, означало нечто особенное.

– Артур, доброе утро.

– Доброе утро, – отозвался он, не отрываясь от чашки.

Домашняя пчелка Розалин немедленно встрепенулась и подошла ко мне, не сняв огромных кухонных перчаток.

Я легонько побоксировала с нею, но она не поняла шутки. Зато Артур, не сделав ни единого движения, не моргнув глазом, мгновенно дал понять, что оценил мою игру.

– Пожалуйста, Розалин, мне хлопьев, – сказала я, оглядываясь по сторонам. – Я возьму сама, только скажите, где взять.

После этого я принялась открывать шкафы, пытаюсь отыскать овсяные хлопья, но с удивлением отступила назад, когда наткнулась на шкаф, сверху донизу уставленный медом. В нем было не меньше ста банок.

– Ого! – Я отошла подальше от открытого шкафа. – У вас невроз навязчивых состояний?[17 - Точнее по тексту: обсессивно-компульсивное расстройство (от англ.: obsessive-compulsive disorder; OCD). Синоним: невроз навязчивых состояний.]

Розалин смутилась, но все-таки изобразила улыбку и подала мне чашку с чаем.

– Сядь, я сама принесу тебе твой завтрак. А мед мне дает сестра Игнатиус, – с улыбкой заметила она.

Как раз в этот момент я сделала глоток чая и, не в силах сдержать смех, закашлялась. Чай полился у меня из носа, и Артур подал мне салфетку, весело глядя на меня.

– Вы зовете сестру – Игнатиус? – переспросила я, не переставая громко смеяться. – Это же мужское имя! Она транссексуалка? – все еще хихикая, я покачала головой.

– Транссексуалка? – переспросила Розалин, наморщив лоб.

Я опять захохотала, но тотчас остановилась, когда с ее лица исчезла улыбка и она, закрыв шкаф, направилась к плите за моим завтраком. Положив на тарелку ломтики бекона, колбасы, парочку яиц, фасоль, пудинг и грибы, Розалин поставила ее в центр стола. Не мешало бы сестре Игнатиус присоединиться к трапезе, потому что управиться со всем этим мне одной было не под силу. Потом Розалин исчезла, проскочив у меня за спиной, и вернулась с тарелкой, на которой возвышалась гора тостов.

– О нет, в меня столько не влезет. И вообще я не ем углеводов, – произнесла я максимально вежливо.

- Углеводы? – не поняла Розалин.

- Ну да, углеводы. Я от них толстею.

Артур поставил чашку на блюдце и внимательно посмотрел на меня из-под густых бровей.

- Вы совсем не похожи на маму, Артур.

Розалин уронила баночку с медом на плиточный пол, отчего мы с Артуром одновременно вскочили и повернулись к ней. Как ни странно, банка не разбилась, ну а Розалин стала стремительно завершать начатое и поставила передо мной джем, мед, мармелад, а также тарелку с булочками.

- Ты еще растешь, и тебе надо хорошо питаться.

- Расту я хочу только тут, – ответила я и показала на грудь. – Но если я не набую лифчик черно-белым пудингом, такой завтрак мне не поможет.

Наступила очередь Артура подавиться чаем. Не желая больше обижать обоих, я взяла кусочек бекона, кусочек колбасы и помидор.

- Возьми еще что-нибудь, – произнесла наблюдавшая за мной Розалин.

Я в ужасе посмотрела на Артура.

- Пусть сначала это съест, – спокойно произнес Артур, вставая из-за стола и забирая тарелку.

- Оставь, – зашумела на него Розалин, и у меня появилось желание прибить ее мухобойкой. – Тебе же на работу.

- В замке кто-нибудь работает? – спросила я Артура.

- На руинах? – уточнила Розалин.

- В замке, - повторила я и тотчас почувствовала себя его защитницей. Если мы спорим из-за названия, то можем поспорить и из-за мамы. Она совсем сломалась, но мы же не называем ее руинами. Она все еще женщина. Как бы ни изменился замок, он все еще замок. Не знаю, почему мне в голову пришла эта мысль, но это случилось вечером, и с тех пор я не собиралась называть его руинами.

- А почему ты спрашиваешь? - поинтересовался Артур, засовывая руки в рукава короткой прямой куртки, а потом поверх нее надевая еще одну пуховую куртку.

- Вчера я прогулялась там, и мне показалось, кто-то промелькнул неподалеку. Кто-то небольшой, - торопливо прибавила я, жуя бекон и надеясь, что им не придет в голову запретить мне прогулки.

- Наверно, это была крыса, - отозвалась Розалин, глядя на Артура.

- Ну да! Теперь мне стало легче.

Я ждала, что Артур скажет свое слово, но он молчал.

- Тебе не стоит бродить тут в одиночестве, - заявила Розалин, подвигая ко мне поближе тарелку с едой.

- Почему?

Ответа не последовало.

- Ладно, - проговорила я, не обращая внимания на еду. - Все ясно. Это была гигантская крыса в человеческий рост. Но если мне нельзя ходить в замок, то чем тут заниматься?

Опять молчание.

- В каком смысле? - в конце концов спросила как будто испуганная Розалин.

- Ну, что тут делать? Куда пойти? Здесь есть магазины? Например, магазины одежды? Или кафе? Ну хоть что-нибудь тут есть?

- Ближайший город в пятнадцати минутах отсюда, - сказала Розалин.

- Отлично. После завтрака пойду туда. Итак, об этом договорились, - улыбнулась я и откусила кусок колбасы.

На лице Розалин засияла счастливая улыбка, и она, не отрывая от меня взгляда, уперлась подбородком в ладонь.

- В какую сторону надо идти? - спросила я и, проглотив колбасу, показала Розалин пустой рот.

- Ты это о чем?

Розалин поняла намек и отвела глаза.

- Город в какой стороне? Когда я выйду за ворота, то поверну направо или налево?

- О нет, пешком нельзя. Пятнадцать минут на машине. Артур отвезет тебя. Что ты хочешь посмотреть?

- Пока не знаю. Надо же мне оглядеться.

- Артур отвезет тебя и заберет, когда ты скажешь.

- Сколько тебе потребуется времени? - спросил Артур, застегивая верхнюю куртку.

- Понятия не имею, - ответила я, переводя взгляд с Артура на Розалин и обратно и едва справляясь с разочарованием.

- Двадцать минут? Час? Если ты недолго, он подождет, - произнесла Розалин.

- Да не знаю я, сколько мне надо времени. Откуда мне знать? Я же ваш город в глаза не видела и не знаю, приглянется он мне или нет.

Они смотрели на меня, не выражая никаких чувств.

– Лучше мне поехать на автобусе, или что у вас тут есть, и вернуться, когда захочется.

Розалин в волнении посмотрела на Артура.

– У нас не ходят автобусы.

– Что? – У меня буквально отвалилась челюсть от изумления. – А как же вы добираетесь куда-нибудь?

– На машине, – коротко ответил Артур.

– Но я не умею...

– Артур тебя отвезет, – вмешалась Розалин. – Или подождет тебя, где ты скажешь. У тебя есть какие-то определенные планы? Артур все сделает. Правда, Артур?

Дядя Артур произвел характерное движение носом.

– Чего ты хочешь? – подавшись вперед и как будто теряя терпение, спросила Розалин.

– Тампоны, – сорвавшись, выпалила я.

Зачем я сказала про тампоны?

Затем, что они достали меня. Дома я привыкла к свободе, а не к испанской инквизиции. Я привыкла приходить и уходить по собственному желанию, бывать где хочу и оставаться там сколько хочу. Даже родители никогда не задавали мне так много вопросов.

Родственники молчали.

Я откусила еще кусок колбасы.

Розалин теребила салфетку, на которой лежали булочки. Артур замешкался у двери в ожидании, надо ему покупать тампоны или не надо. И я поняла, что мой долг развеять сгустившийся туман.

– Не важно, – сказала я, успокаиваясь. – Похожу тут. А в город, если получится, поедем завтра.

По крайней мере, есть о чем помечтать.

– Тогда я пошел, – проговорил Артур и кивнул Розалин.

Она вскочила со стула, словно соломенная кукла на пальце.

– Не забудь флягу. – Она заметалась по кухне, будто остались считанные секунды до взрыва бомбы. – Вот. – Розалин протянула мужу флягу и коробку с ланчем.

Наблюдая за ней, я не могла не улыбнуться. Странно и отчего-то приятно было видеть, как она суетится, отправляя мужа на работу, будто ребенка в школу. Я получила большое удовольствие от этого зрелища.

– Хотите положить это в коробку? – спросила я Артура, показывая на тарелку с едой, которая стояла передо мной на столе. – Мне ни за что на свете этого не съесть.

Мне показалось, что я не сказала ничего особенного. Ну, не могла я съесть все, что было на тарелке, слишком много на нее было всего наложено. Но получилось не совсем то. Собственно, получилось то, что нужно, на мой взгляд, а вот восприняли они это совсем не так, как я предполагала. Собственно говоря, я не хотела ничего выкидывать зазря. Хотела поделиться с Артуром, а вышло так, как будто я опять нанесла Розалин удар ниже пояса.

– Я возьму с собой Ару, так что пригодится, – ответил Артур, и у меня появилось ощущение, что он утешает порозовевшую Розалин, которая тотчас принялась крутиться по кухне, чтобы собрать еще один ланч.

– Все очень вкусно, Розалин, я говорю правду, просто так много я никогда не ем.

Мне не верилось, что из-за завтрака могла возникнуть серьезная проблема.

– Конечно, конечно, – закивала Розалин, словно ей самой не хватило ума это понять. Она собрала продукты и уложила их в небольшой пластиковый бочонок.

Артур ушел.

Я все еще сидела за столом, пытаюсь справиться с тремя тысячами тостов, которых вполне хватило бы на реставрацию замка, когда Розалин принесла поднос из маминей спальни. Вся еда осталась нетронутой. Склонив голову, Розалин напрямик отправила ее в мусорное ведро. Если учесть то, что произошло перед этим, думаю, Розалин была глубоко обижена.

– У нас не было принято плотно завтракать, – стараясь быть понежнее, пояснила я. – Утром мама обычно съедала набор «брекфест-бар» и пила кофе.

Розалин выпрямилась и обернулась в полной готовности поговорить о еде.

– «Брекфест-бар»?

– Знаете, такой набор из овсянки, хлопьев, йогурта, ну и так далее.

– Но... это подают только в баре.

– А какая разница?

– Значит, «брекфест-бар».

Розалин помрачнела.

– Так быстрее. Можно поесть на бегу. – И я сделала попытку объяснить: – Когда едешь в машине или бежишь куда-нибудь.

– Но что же это за завтрак такой? В машине?

Мне стоило большого труда не засмеяться.

- Так можно сэкономить много времени.

Розалин смотрела на меня так, словно у меня выросло еще девять голов, потом стала молча убирать в кухне.

- Что вы думаете о маме? - спросила я, выдержав довольно долгую паузу.

Повернувшись ко мне спиной, Розалин протирала стол.

- Розалин! Что вы думаете о мамином поведении?

- Детка, у нее горе, - торопливо отозвалась Розалин.

- Не думаю, что это горе, когда думаешь о слоне в комнате.

- Ах, вот ты о чем. Она не поняла тебя, - с облегчением пояснила Розалин. - Мыслями она далеко от нас.

- В стране попугаев, вот где она, - пробурчала я.

Так как люди постоянно говорили мне о том, что такое «горе», словно я вчера родилась и не понимаю, насколько тяжело терять человека, с которым ты последние двадцать лет не расставалась ни на один день, то я довольно много прочитала на этот счет и узнала, что нет определенного правильного способа проявлять свое «горе». Не знаю, насколько я права или не права, но думаю, что мамино горе было неправильным. Слово «горе» пришло к нам из старофранцузского языка, на котором слово «griegve» означает «тяжелая ноша». Смысл в том, что горе всеми заключенными в нем чувствами придавливает несчастного к земле. По крайней мере, со мной происходит именно так: словно я изо всех сил тащу себя с места на место, словно это стоит мне больших усилий, а вокруг сплошная темь и грязь. И в голове у меня, причиняя жуткую боль, только такие мысли, каких раньше не было. И все-таки мама?..

Маме не тяжело. Горе не придавило ее. Наоборот, она как будто улетает от нас, как будто она уже оторвалась от земли, но никто не обращает на нее внимания или не замечает этого, лишь я одна стою внизу и держу ее за ноги, пытаюсь водворить обратно.

Глава шестая

Передвижная библиотека

Итак, кухня вычищена и вымыта, отдраена до последнего дюйма, и лишь одну-единственную меня никак нельзя засунуть куда-нибудь на полку.

Никогда еще не видела женщину, которая с такой энергией терла бы и чистила все кругом, да еще с такой целеустремленностью, словно от этого зависела ее жизнь. Розалин закатала рукава, вся покрылась потом, на руках и ногах выступили поразительные бицепсы и трицепсы, когда она скребла пол, вымывая все следы жизни, какие только были в кухне. Я продолжала сидеть и, признаюсь, не без капельки высокомерной жалости, замороженно следила за необязательной, на мой взгляд, но интенсивной деятельностью Розалин.

Потом она ушла из дома, унося с собой свежеспеченный черный хлеб, от которого исходил такой чарующий аромат, что мой непустой желудок судорожно сжался. Из окна гостиной я смотрела, как Розалин, энергично шагая, переходит дорогу, направляясь в сторону бунгало, и отметила про себя, что в ее походке нет ничего женственного. Задержавшись у окна, я стала ждать того, кто встретит ее, но Розалин обошла бунгало кругом и лишила меня ожидаемого развлечения.

Тогда я воспользовалась возможностью осмотреть дом, в котором мне предстояло жить, радуясь, что Розалин не ходит за мной по пятам и не рассказывает историю каждого предмета, попавшегося мне на глаза, как она делала все утро.

– Это комод. Дубовый. Однажды зимой, когда гремел гром и сверкала молния, дерево рухнуло, и у нас несколько дней не было электричества. Артур не мог

спасти его – дерево, конечно, а не электричество. Электричество потом дали. – Розалин взволнованно хихикнула. – Из этого дерева он сделал комод. В нем удобно хранить всякие вещи.

– Артур мог бы сделать из этого бизнес.

– О нет. – Розалин посмотрела на меня так, словно я богохульствую. – Это хобби, это не ради денег.

– А почему не ради денег, если это может быть его бизнесом? Не вижу в этом ничего плохого.

В ответ Розалин пробормотала что-то вроде «еще чего не хватало».

Вслушиваясь в свои слова, я поняла, что говорю в точности как отец, и, хотя я всегда ненавидела такие его рассуждения, а также его стремление из всего сделать бизнес, у меня потеплело на душе. Когда в детстве я приносила из школы свои рисунки, он говорил, что когда-нибудь я стану художницей, но такой художницей, которой будут платить миллионы за ее картины. Если я вступала из-за чего-нибудь в спор, то в его мечтах становилась адвокатом, получающим сотни фунтов в час. У меня оказался неплохой голос, и он отправил меня в студию своего приятеля, чтобы я стала звездой. Дело было не во мне, он поступал так со всеми. Для него жизнь состояла из бесконечной череды возможностей, и не думаю, что это так уж плохо; просто он не сумел с ними справиться. Папа не был страстным поклонником искусств, ему было наплевать на адвокатов, призванных помогать людям, и даже хороший голос не пробуждал в нем никаких особенных чувств. Все дело в деньгах. Поэтому мне кажется вполне закономерным, что в итоге его убила потеря денег. Таблетки и виски лишь ускорили его смерть.

– Смотришь на фотографию? – спросила Розалин, пока я оглядывала комнату. – Он сделал ее, когда мы ездили поглядеть на Мостовую гигантов[18 - Мостовая гигантов (Giants Causeway) расположена на побережье Северной Ирландии и представляет собой множество соединенных базальтовых колонн, преимущественно шестигранной формы (встречаются также колонны, имеющие от 4 до 8 граней).]. Весь день шел дождь, и по дороге туда еще пришлось менять колесо.

Но это было только начало.

– Смотришь на занавески? Надо их постирать. Вот завтра ими и займусь. Ткань я купила у соседки. Никогда бы не стала это делать, но она иностранка, не знала английского языка, сидела без денег, и у нее только и было, что эта ткань. Мне понравились цветы. Вроде бы они сочетаются с цветами на подушке, как ты думаешь? В гараже еще лежит много такой ткани.

Я пошла в гараж и узнала, что Артур построил его собственными руками уже после того, как она поселилась в этом доме.

Мне показалось это странным. Когда она поселилась в этом доме.

– А кто жил тут прежде?

Розалин посмотрела на меня круглыми глазами и с таким же любопытством, с каким смотрела во время завтрака. И ничего не сказала. Все время она умалчивает на самом интересном месте. Просто уходит от ответа, словно не слышит вопроса.

Она до того надоела мне со своими причудами, что я отвернулась и стала изучать коврик, который она на что-то выменяла. Не знаю... Однако, когда я осталась одна и она перестала лезть в мои мысли, у меня появилась возможность оглядеться по-настоящему.

Гостиная произвела на меня впечатление уютной и немного несовременной. Очень даже несовременной, не то что мой дом, который – был – модным и современным. Здесь же повсюду стояли вещи, вещи, вещи. Фотографии, которые не соответствовали обстановке, забавные орнаменты, столы и кресла с длинными веретенообразными ножками на звериных лапах, два дивана с разными покрывалами (одно – голубое в сочетании с цветом слоновой кости и с цветочками, а другое – как будто на нем скакала кошка), кофейный столик, раскладывающийся как шахматная доска. Пол тоже показался мне неровным, с уклоном от камина к книжным полкам, отчего у меня вдруг закружилась голова. Насколько я заметила, больше всего вещей было возле камина. А при виде самого камина я вся покрылась мурашками, не говоря уж о всяких приспособлениях, которые были похожи на орудия из средневековой пыточной камеры: кованые железные кочерги с головами животных, разных размеров

совки, старинные мехи, черная чугунная каминная решетка, украшенная с передней стороны фигурой какого-то зверя. Повернувшись спиной к камину, я сосредоточила внимание на книжных шкафах, поднимавшихся в комнате до потолка, и на лестнице – тоже до потолка. В шкафах были, естественно, книги, а еще фотографии, монеты, шкатулки, никому не нужные безделушки и все остальное в этом роде. Большинство книг специфического содержания, по садоводству и кулинарии, что меня совсем не интересовало. Старые, зачитанные, разорванные, некоторые без переплетов, с пожелтевшими страницами, с пятнами от воды – и без единой пылинки. Мое внимание привлекла огромная книга с красным переплетом и до того старая, что у нее почернели страницы от въевшейся красной краски. «Регистр кораблей. 1919–1920. Том 2» Ллойда. Сотни страниц с названиями кораблей в алфавитном порядке, с указанием водоизмещения и потребности в топливе. Поставив том на место, я вытерла руки об одежду, чтобы вирусы 1919 года не добрались до меня. Еще одна книга была посвящена мировым религиям, и на обложке у нее красовался врытый в землю золотой крест с обвившейся вокруг него змеей. Рядом стояла книга с рецептами греческой кухни, но я усомнилась в том, что Розалин готовит на своей плите сувлаки[19 - Сувлагки – небольшие шашлыки на деревянных шпажках.]. По соседству стояла книга «Всё о лошадях», хотя вряд ли в ней было «всё», потому что рядом я обнаружила еще двенадцать книг на ту же тему.

Я прочитала всего лишь первую главу из той книги, которую Фиона подарила мне на похоронах, и это было почти все, что я прочитала за год, так что содержимое здешних книжных полок тоже не особенно меня заинтересовало. Зато альбом с фотографиями явно разжег мое любопытство. Он стоял на полке с большими книгами, словарями, энциклопедиями, атласами. Старомодный, похожий на обычную книгу, по крайней мере корешок был похож. Я взяла в руки альбом, переплетенный в красный бархат, украшенный золотом, и провела пальцем по бархату, оставляя темный след. Свернувшись клубком в кожаном кресле, я уже представляла, как буду мысленно бродить в чужих воспоминаниях, но едва открыла первую страницу, раздался долгий и настойчивый звонок в дверь. Он нарушил тишину в доме и, наверное, напугал меня, потому что я торопливо спрыгнула с кресла.

Я ждала, я мечтала о том, чтобы Розалин, подобрав юбку до бедер и показывая такие тугие сухожилия, что Джими Хендрикс[20 - Джими Хендрикс (1942–1970) – выдающийся американский гитарист, певец и композитор. Широко признан как один из наиболее смелых и изобретательных виртуозов в истории рока.] мог бы играть на них рок, перебежала через дорогу. Но этого не случилось. Мама

молчала, будто ничего не слышала. Снова позвонили в дверь, и, положив альбом на столик, я отправилась к входной двери, ощутив при этом, что дом вроде бы стал мне роднее.

В полупрозрачном стекле я различила мужской силуэт. Когда же открыла дверь, то увидела настоящего красавца. На вид ему было немного за двадцать, темно-каштановые волосы с помощью геля подняты наверх, как воротник спортивной рубашки. Похож на регбиста. Оглядев меня с головы до ног, он улыбнулся.

- Привет, - сказал он, открыв два ряда идеально белых зубов. На подбородке у него заметно отросла щетина. Глаза сверкали небесной голубизной. В руке он держал нечто наподобие пюпитра, с картой.

- Привет, - отозвалась я и, выгнув спину, прижалась к двери.

- Сэр Игнатиус? - спросил он.

- Только не я.

Сказала и улыбнулась.

- Могу я увидеть сэра Игнатиуса Пауэра?

- Сейчас нет. Он уехал на охоту с лордом Каспетом.

Молодой человек подозрительно прищурился.

- И когда вернется?

- Полагаю, когда загонит лису.

- Хм-м-м, - задумчиво пробурчал визитер и огляделся. - Лисы здесь быстрые?

- Похоже, вы не здешний. Тут все знают, какие у нас лисы.

- Хм-м-м. Не здешний.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

- Значит, это может быть долго, - произнес он, и я поняла, что подпадаю под его чары.

- Может быть, даже очень долго.

- Понятно.

Он прислонился к столбу и пристально взгляделся в меня.

- Что? - спросила я с вызовом, чувствуя, что таю под его взглядом.

- А если серьезно?

- Что - серьезно?

- Он живет в здешних местах?

- По крайней мере, не за этими воротами.

- А вы тогда кто?

- Я - Гудвин.

- Спасибо. Но я спрашивал фамилию.

Тут уж я расхохоталась от души.

- Ужасно, сам знаю. Прошу прощения, - проговорил он, насколько я поняла, искренне и со смущенным видом стал сверяться с картой, отчего вытянул шею и его прическа показалась мне сверху еще более взъерошенной.

Поглядев поверх его головы, я обратила внимание на белый автобус с надписью на боку «Передвижная библиотека».

В конце концов он оторвался от карты.

- Что ж, признаю, я заблудился. В моем списке нет Гудвинов.

- Возможно, у вас там значится другая фамилия.

Девичья фамилия моей мамы была Бирн. Значит, у дяди Артура такая же фамилия, и дом числится на эту фамилию. Артур и Розалин Бирны. Дженнифер Бирн звучит как-то не так. Для меня мама как будто всегда была Гудвин.

- Килсани? - с надеждой спросил молодой человек, снова отрываясь от карты.

- Ах, Килсани! - с улыбкой произнесла я, и у него как будто отлегло от души. - Они живут рядом, слева от нас, за деревьями.

- Отлично. Спасибо. Никогда прежде мне не приходилось тут бывать. Я на час опоздал. Какие эти Килсани? - Он потер нос. - Будут ругаться?

Я пожала плечами:

- Они не очень разговорчивы. Но вы не бойтесь, книги они любят.

- Отлично. Вы позволите остановиться тут на обратном пути, чтобы вы могли взглянуть на мои книги?

- Конечно.

Закрыв дверь, я опять расхохоталась. А потом стала с нетерпением ждать его возвращения, и у меня словно бабочки кружились в груди и в животе, будто я вновь стала маленькой девочкой и играла в прятки. Уже месяц, как я не ощущала ничего подобного. Не прошло и минуты, как послышался шум возвращающегося автобуса. Он остановился напротив дома, и я открыла дверь. Широко улыбаясь, молодой человек вышел из автобуса. Он поднял голову, посмотрел на меня и покачал головой.

- Их нет дома? - спросила я.

Он засмеялся, подходя ближе, и как будто не рассердился, скорее выглядел удивленным.

– Они решили, что им не нужны книги, потому что у них теперь нет второго этажа, нет большей части стен, нет крыши и книжной полки тоже нет.

Я хихикнула.

– Очень смешно, мисс Гудвин.

– Большое спасибо за мисс.

– Меня зовут Маркус.

Он протянул руку, и я пожала ее.

– Тамара.

– Красивое имя, – ласково проговорил он и прислонился к столбу. – А если серьезно, вы знаете, где живет сэр Игнатиус Пауэр из Ордена сестер милосердия?

– Дайте мне вашу карту. Здесь не сэр, а сестра, – медленно проговорила я. – Дурачок. – И я постучала картой по его голове. – Он – монахиня.

Во всяком случае, не трансвестит.

– А... – Библиотекарь рассмеялся и сделал попытку забрать у меня карту, но я крепко держала ее. Он потянул сильнее и вытащил меня на крыльцо. Вблизи он был еще привлекательнее. – Так значит, это вы сестра? – спросил он. – Уже приняли постриг?

– Принимаю только приглашения на обед.

Он засмеялся.

– Так кто она такая?

Я пожала плечами.

– Хотите, чтобы я окончательно заплутал?

– Я сама только вчера приехала, поэтому ничего не знаю.

Я не смеялась, когда говорила это, и он тоже не смеялся. Наверное, поверил.

– Тогда будем надеяться, ради вашего же блага, что это правда. – Он поглядел на дом. – Вы живете тут?

Я пожала плечами.

– Даже не знаете, где живете?

– Станный вы человек, путешествуете на автобусе, забитом книгами. Думаете, я скажу вам, где живу? Слыхала я о таких, как вы, – произнесла я, направившись к автобусу.

– Неужели?

Он последовал за мной.

– Был такой парень, который леденцами заманивал ребятишек к себе в автобус, а потом закрывал двери и увозил несчастных неведомо куда.

– Я тоже слышал о нем, – отозвался библиотекарь, сверкнув глазами. – У него были длинные сальные черные волосы, большой нос, бледная кожа. Он плясал в узких штанах и много пел. И еще ему нравились маленькие коробки.

– Тот самый. Ваш приятель?

– Вот. – Он сунул руку в верхний карман и достал удостоверение. – Вы правы. Надо было показать раньше. Это общественная библиотека с лицензией, короче

говоря, действует на законных основаниях. И обещаю, что не буду тащить вас внутрь.

– Разве что я сама попрошу. – Потом я внимательно изучила удостоверение.

– Маркус Сэндхёрст.

– Это я. Хотите взглянуть на книжки? – Он махнул рукой на автобус. – Экипаж ждет.

Я огляделась. Кругом никого, даже мамы не видно. Из бунгало тоже не доносилось ни звука. Тогда я словно бросилась головой в омут и вскарабкалась в автобус, после чего Маркус пропел голосом похитителя: «Дети» – и фыркнул. Я засмеялась.

Внутри, вдоль обеих стен, стояли стеллажи с сотнями книг, разделенных на научные, художественные и так далее. Я стала проводить по ним пальцем, не вчитываясь в заглавия и немного побаиваясь странного человека, с которым осталась один на один. Думаю, Маркус понял это, потому что отступил на пару шагов, давая мне побольше пространства, и встал около открытой двери.

– Какая у тебя любимая книга? – спросила я.

– Ну... «Лицо со шрамом».

– Это фильм[21 - Два фильма 1932 и 1983 гг.].

– Сначала была книга.

– Ну нет. Говори, какая у тебя любимая книга?

– «Колд-плэй»[22 - Британская рок-группа.], – произнес Маркус. – Пицца... Не знаю.

– Понятно, – рассмеялась я. – Ты не читаешь.

– Нет. – Он сел на полку, заменявшую стол. – Но надеюсь, эта работа повлияет на меня в лучшую сторону и я стану книголюбом.

Маркус лениво и неуверенно произнес эту фразу, видимо, повторяя чьи-то слова. Я внимательно смотрела на него.

– Вот оно, значит, как. Твой папа попросил своего друга дать тебе работу.

Маркус сжал зубы и надолго замолчал, так что я уже было решила взять свои слова обратно. Не знаю, зачем я сказала то, что сказала. Даже не знаю, как это у меня получилось. Просто возникло странное чувство, что я угадала. Наверное, угадала в нем свои черты.

– Извини, я не хотела тебя обидеть. Расскажи, чем ты занимаешься, – попросила я, пытаюсь разрядить обстановку. – Ездишь к разным людям и снабжаешь их книгами?

– Как в библиотеке, – сказал Маркус, все еще не совсем остыв от обиды. – Люди приходят, получают членские карточки и берут у нас книги. В мои обязанности входит объезжать города, где нет библиотек.

– Где нет высокоразвитой формы жизни, – подхватила я, и Маркус засмеялся.

– Тебе тут не тяжело? Как местной жительнице?

Я пропустила мимо ушей его вопросы и продолжила изучение заголовков.

– А ты не знаешь, что местные жители предпочли бы книгам?

И он улыбнулся.

– Ну нет. – Я тоже улыбнулась. – Вот если бы ты избавился от книг, мог бы сделать немного денег на автобусе.

– Ха! А как же культура?

– У нас тут нет автобусного сообщения. А в пятнадцать минутах езды город. Может быть, скажешь, как туда добираться?

– Ну... в твоём вопросе есть ответ.

– Я не могу поехать на машине, потому что... – Я замешкалась, и Маркус усмехнулся. – Потому что не умею водить машину.

– Что? Хочешь сказать, что папа до сих пор не купил тебе «мини-купер»? Это неслыханно, – поддразнил меня Маркус.

– Туше.

– Ладно. – Он соскочил со стола, вновь наполнившись энергией. – Я сейчас еду туда. Как насчет того, чтобы вместе посетить чудесный город, где не ступала нога человека?

Я хихикнула:

– Отлично.

– А тебе не надо кому-нибудь сообщить о поездке? Не хочу, чтобы меня потом обвинили в похищении ребенка.

– Если я не вожу машину, это не значит, что я ребенок.

Я не сводила взгляда с бунгало. Розалин не возвращалась.

– Уверена? – оглядываясь, спросил Маркус. – Пожалуйста, скажи кому-нибудь.

Ему явно было не по себе, и я, чтобы его успокоить, достав мобильник, набрала мамин номер, хотя мама уже месяц не отзывалась на звонки. И я оставила сообщение на автоответчике:

– Мам, привет, это я. Я рядом с домом в автобусе, в котором много книг, и очень симпатичный парень подбросит меня в город. Вернусь через пару часов. Если не

вернусь, парня зовут Маркус Сэндхёрст, его рост пять футов десять дюймов, у него темные волосы, голубые глаза... Татуировки есть?

Маркус поднял футболку. На нем еще была майка.

- У него кельтский крест на животе, нет волос на груди и на лице глупая улыбка. Ему нравятся «Лицо со шрамом», «Колд-плэй» и пицца. И еще он рассчитывает со временем стать книголюбом. Пока.

Я убрала телефон, и Маркус разразился хохотом.

- Ты знаешь меня лучше многих.

- Давай выбираться отсюда, - попросила я.

- А ты всегда такая непослушная?

- Всегда, - ответила я и уселась на пассажирское место, приготовившись к приключениям.

Глава седьмая

Я хочу

До города мы доехали за двадцать минут, не перемолвившись ни единым словом. Надо сказать, что «город» оказался совсем не таким, как я думала. И хотя мои ожидания были ниже нижнего предела, впечатление, которое город произвел на меня, было еще хуже. Захолустный городишко, в котором не только машины, но и лошади не было видно.

Церковь. Кладбище. Два паба. Каменотесная мастерская. Заправка, газетный киоск. Скобяная лавка. И всё.

Наверное, у меня был такой разочарованный вид, что Маркус озабоченно спросил:

– Что с тобой?

– Что со мной? – У меня были круглые глаза, когда я повернулась к нему. – Что со мной? Да у меня, когда мне исполнилось пять лет, деревня Барби была больше этого города.

Маркус не удержался от смеха.

– Ну, не так уж все плохо. Еще двадцать минут – и ты в Даншоглине. Это настоящий город.

– Еще двадцать минут? Да мне и сюда-то нельзя было ехать одной. – Я чувствовала, как у меня колотится сердце от разочарования, как морщится нос и глаза наполняются слезами. Словно перевернулся автобус, и я закричала. На самом деле я не кричала, а шептала. – Какого черта я буду делать тут одна? Куплю лопату и стану хоронить усопших? А потом жевать чипсы и пить пиво с чувством выполненного долга?

Маркус фыркнул и отвернулся, видимо, чтобы не выдать своих чувств.

– Тамара, не так уж все плохо.

– Неужто? Я хочу булочку с корицей и имбирный латте, – проговорила я совершенно спокойно, понимая, что начинаю походить на Вайолет Борегад из «Чарли и шоколадной фабрики». – А тем временем хочу воспользоваться моим ноутбуком, службой Wi-Fi и проверить свою страницу в Facebook. Я хочу в «Топшоп»[23 - Основанная в 1964 г., сегодня империя Topshop (Топшоп) насчитывает около 300 магазинов в Великобритании и более 60 по всему миру.]. Хочу в Твиттер[24 - Твиттер (Twitter) – интернет-сайт, представляющий собой систему микроблогов, позволяющий пользователям отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов), используя веб-интерфейс, SMS-службы мгновенных сообщений или сторонние программы-клиенты.]. И еще на пляж с друзьями, посмотреть с ними на море и выпить бутылку белого вина. Хочу упиться так, чтобы не стоять на ногах и чтобы меня вырвало. Знаешь, я хочу нормальной жизни нормальных людей. Вот чего я хочу.

- Ты всегда получаешь чего хочешь?

Я не ответила. У меня перехватило дыхание от чувства о-боже-я-влюбилась. И я всего лишь кивнула головой.

- Что ж, - сказал Маркус, оживляясь, отчего у меня комок застрял в горле и голова пошла кругом из-за моего Маркуса. - Давай посмотрим на все с хорошей стороны.

- Какая может быть хорошая сторона?

- Она всегда есть. - Он поглядел налево, потом направо, вытянул руки и сверкнул глазами. - Здесь нет библиотеки.

- О Господи.

Я подняла голову с приборной доски.

- Вот и правильно, - засмеялся Маркус и выключил зажигание. - Поедем куда-нибудь еще.

- А разве без мотора можно куда-нибудь поехать?

- Мы не едем. - Маркус перелез через спинку кресла и стал смотреть книги. - Итак, давай подумаем. Куда бы нам отправиться? - В разделе книг о путешествиях он стал водить пальцем по корешкам и читать вслух: - Париж, Чили, Рим, Аргентина, Мексика...

- Мексика, - прервала я его и встала на колени, чтобы лучше его видеть.

- Мексика, - кивнул Маркус. - Отличный выбор. - Он взял книгу с полки и поглядел на меня: - Ну? Ты идешь? Самолет вот-вот взлетит.

В ответ я улыбнулась и тоже перелезла через спинку кресла. Мы устроились бок о бок на полу в дальнем конце автобуса и отправились в Мексику.

Понятия не имею, насколько он понимал, каким важным было для меня это мгновение. Ведь он спас меня от себя самой, спас от полного отчаяния. А может быть, он как раз хорошо знал, что делает. В самое нужное время словно ангел вошел в мою жизнь со своим автобусом-библиотекой и унес меня из ужасного захолустья в далекую страну.

Однако в Мексике мы пробыли меньше времени, чем рассчитывали. Успели лишь зарегистрироваться в отеле, взглянуть на двухспальную кровать, распаковать вещи и отправиться напрямик на пляж, где я купила бикини в киоске, а Маркус заказал коктейль и собрался один покататься на гидроцикле, так как я отказалась натягивать на себя мокрый костюм. И тут в дверь автобуса постучали, после чего пожилая женщина, смерив меня подозрительным взглядом, стала искать какую-нибудь книжку, чтобы убить свободное время. Мы поднялись с пола, и я тоже принялась ходить вдоль полок, пока Маркус играл роль гостеприимного хозяина. Мне попала книга о том, как пережить горе, как справиться с собственной бедой или бедой любимого человека, и я уставилась на нее, а тем временем мое сердце билось как бешеное, словно я нашла волшебную вакцину от всех земных несчастий. Однако я почему-то не хотела взять ее с полки – сама не знаю почему. Наверное, чтобы не увидел Маркус, чтобы не расспрашивал меня, так как у меня не было желания оповещать его о смерти папы. Да и о той девочке, какой я была прежде, тоже. Я была девочкой, чей папа убил себя. А если промолчать, то я не буду той девочкой. Во всяком случае, промолчать сейчас. Пусть я остаюсь той девочкой в душе. Пусть она впадает в ярость, пусть бурлит внутри, а я отправлюсь в Мексику, оставив ее в доме у ворот.

Мое внимание привлекла книга в коричневом кожаном переплете в разделе научно-популярной литературы. Книга была довольно толстой, и на корешке не значилась фамилия автора. Вытаскивая книгу, я ощутила ее необычную тяжесть. Неровные по краям страницы – словно разрезанные.

– Ты как Робин Гуд из мира книг, – произнесла я, когда пожилая женщина покинула автобус, унося под мышкой пикантный романчик, «дай книгу тому, у кого ее нет».

– Похоже на то. Нашла что-нибудь интересное?

– Не знаю. Здесь нет заглавия.

– А на корешке?

– Тоже нет.

Маркус взял картотечный ящик и, облизав палец, принялся просматривать карточки.

– Как фамилия автора?

– Ее здесь нет.

Нахмурившись, Маркус поглядел на меня:

– Это невозможно. Открой книгу и посмотри внутри.

– Не могу, – рассмеялась я. – Она заперта.

– Ну-ну, Гудвин, тебе как будто смешно? – улыбнулся он.

– Не смешно, – ответила я, не переставая смеяться и направляясь к нему. – Это правда, посмотри сам.

Я протянула ему книгу, и наши пальцы встретились, отчего я вздрогнула всем телом.

Страницы книги были стянуты пряжкой, запертой на золотой замочек.

– Какого черта?.. – произнес Маркус, пытаюсь отпереть книгу и гримасничая так, что я не могла сдержать улыбку. – Надо же было тебе выбрать единственную книгу, у которой нет автора, нет заглавия, зато есть замок.

Мы засмеялись. Маркус перестал дергать замок, и наши взгляды встретились.

В эту минуту мне полагалось произнести: «Извини, я еще маленькая». Но я не могла. Никак не могла. И потом, я не ощущала себя шестнадцатилетней девчонкой, я казалась себе старше. Все всегда говорили, что я выгляжу старше.

Я хотела быть старше. К тому же у нас не было намерения заняться сексом на полу, и его не могли посадить в тюрьму всего лишь за то, что он смотрел на меня. Все-таки. Что касается меня... Окажись мы в какой-нибудь старой ленте, наподобие «Унесенных ветром», то есть в фильме о Юге девятнадцатого века, о старых добрых временах, когда женщины считались собственностью мужчин и им неоткуда было ждать защиты, и тогда мой возраст не имел бы значения. Валялись бы мы где-нибудь в амбаре на сене, делали что хотели, и никто никого не потащил бы в суд. У меня появилось такое чувство, будто я, как охотник, выследила книгу на полке, а теперь оставалось только открыть ее и вместе с Маркусом оказаться на ее страницах. Увы. На дворе двадцать первый век. Мне шестнадцать лет, почти семнадцать, а ему двадцать два. Я вычитала это из его удостоверения личности. И у меня было достаточно опыта, чтобы понимать: этот парень не дождет моего семнадцатилетия. Редко кто возвращался домой в июле.

– Не огорчайся, – сказал Маркус и заставил меня поднять голову. Я даже не заметила, когда он успел подойти. И вот он совсем рядом. Мы стоим с ним лицом к лицу.

– Это всего лишь... книга.

Тут я поняла, что крепко обеими руками прижимаю к себе тяжелый том.

– Она мне понравилась, – ответила я с улыбкой.

– Мне тоже она нравится, даже очень. Очень красивая книга, но сейчас мы не можем ее прочитать.

Я прищурилась, стараясь понять, не говорим ли мы об одном и том же.

– Это значит, что мы оба будем сидеть тут и смотреть на нее, пока не найдется ключ?

Улыбнувшись, я почувствовала, что у меня зарделись щеки.

– Тамара! – услышала я крик снаружи. Это был визгливый отчаянный крик.

Мы с Маркусом тотчас отвернулись друг от друга, и я бросилась к двери. Розалин. Она бежала через дорогу, лицо у нее было перекошено, глаза горели опасным огнем. На тротуаре возле машины стоял Артур, который показался мне более или менее спокойным. Тогда я вздохнула с некоторым облегчением. Какого черта Розалин мутит воду?

- Тамара, - теряя голос, прошептала Розалин, переводя взгляд с Маркуса на меня и обратно на Маркуса и походя на мангусту в боевой готовности. - Возвращайся домой, девочка. Возвращайся, - повторила она дрожащим голосом.

- Да вернусь, вернусь, - нахмурилась я. - Еще и часа не прошло.

Розалин как будто растерялась и посмотрела на Маркуса, словно ожидая от него объяснений.

- Что случилось, Розалин? С мамой все в порядке?

Розалин промолчала. Правда, она открыла рот, но сразу же закрыла его, как будто растеряла все слова.

- С ней все в порядке? - переспросила я, поддаваясь панике.

- Да, конечно, - ответила Розалин. - Она в порядке.

Розалин все еще выглядела растерянной, но потихоньку вроде бы начала успокаиваться.

- А с вами что?

- Я подумала, что ты... - Она не договорила, огляделась кругом и, словно осознав, где находится, выпрямилась, пригладила ладонью волосы и поправила платье, которое помялось от сидения в машине. Сделав несколько коротких вдохов, Розалин как будто окончательно пришла в себя. - Ты поедешь обратно?

- Ну конечно, - хмуро проговорила я. - Мама знает, куда я поехала.

- Ты права, но твоя мама...

– Что с моей мамой? – холодно переспросила я. – Если с моей мамой все так уж хорошо, то какие могут быть ко мне претензии? Я предупредила ее о поездке.

Рука Маркуса лежала у меня на спине, и большим пальцем он проводил по моей талии, отчего мне становилось спокойнее и я не могла забыть о Мексике и обо всех остальных местах, где хотела бы побывать.

– Ты должна поехать с ней, – тихо сказал Маркус. – В любом случае мне пора двигаться дальше. Оставь ее себе, – произнес он, кивнув на книгу, которую я не выпускала из рук.

– Спасибо. Мы еще увидимся?

Он закатил глаза:

– Обязательно, Гудвин. А сейчас иди.

Я пересекла дорогу и уселась на заднем сиденье «лендровера», когда заметила, что на меня во все глаза смотрят три курильщика, вышедшие из паба. В том, что они смотрели, я не нашла ничего необычного, все дело было в том, как они смотрели. Артур кивнул им. Розалин, не поднимая головы, разглядывала пол. Взгляды трех мужчин проводили нас, а потом я оглянулась, не понимая, что происходит. Они смотрели, потому что никогда прежде не видели меня? Нет, я знала, что дело не в этом, так как они глядели не на меня. Их взгляды были устремлены на Артура и Розалин. Ни я, ни Артур с Розалин за всю дорогу не произнесли ни слова.

Войдя в дом, я отправилась к маме, хотя Розалин сказала, чтобы я этого не делала. Мама все еще сидела в качалке, но не качалась, а смотрела в окно на сад. Немного посидев с ней, я ушла в гостиную и снова опустилась в кресло, в котором сидела до того, как Маркус позвонил в дверь. Потянулась за альбомом с фотографиями, но его и след простыл. Опять Розалин наводила порядок. Вздыхнув, я отправилась за альбомом. Но на месте его не оказалось. Он исчез. Я перебрала все книги на полке, но альбома нигде не было.

Услышав скрип двери, я развернулась в ее сторону. На пороге стояла Розалин.

– Розалин! – воскликнула я, приложив руку к сердцу. – Вы меня напугали.

– Что ты тут делала? – спросила она, сминая, а потом разглаживая фартук, который надела поверх платья.

– Искала альбом с фотографиями, который смотрела раньше.

– Альбом с фотографиями? – переспросила Розалин, склонив голову набок и наморщив лоб, отчего на ее лице появилось растерянное выражение.

– Да, я просматривала его до того, как приехал автобус. Надеюсь, вы не возражаете, что я взяла его и посмотрела, но теперь его нигде нет... – Я подняла руки и засмеялась. – Волшебным образом испарился.

Розалин покачала головой.

– Нет, детка. – Она оглянулась и понизила голос. – Не надо об этом говорить.

Вошел Артур, держа в руке газету, и Розалин замолчала. Артур посмотрел на нее, потом на меня. Явно нервничая, она ответила взглядом на его взгляд.

– Пожалуй, пойду, надо присмотреть за обедом. Сегодня у нас ягненок, – тихо проговорила Розалин.

Артур кивнул и не сводил с нее взгляда, пока она не покинула комнату.

То, как он смотрел на нее, напрочь отбило у меня охоту задавать ему вопросы. И еще заставило всерьез задуматься о дяде Артуре.

Вечером я слышала, как они разговаривали в своей спальне. Приглушенные звуки то совсем стихали, то становились громче. Я не совсем поняла, спорили они или не спорили, но это очень отличалось от того, как они обычно разговаривали. Это был разговор, а не замечания, которыми они обменивались обычно. О чем бы они ни говорили, Артур и Розалин изо всех сил старались, чтобы я ничего не слышала. А когда я прижала ухо к стенке, удивившись неожиданно воцарившейся тишине, дверь моей спальни распахнулась, и на пороге я увидела дядю Артура.

– Артур, – воскликнула я, отпрянув от стены, – вы должны были постучаться! У меня тоже есть права.

Он только что застал меня за подслушиванием, однако ничего об этом не сказал.

– Хочешь, чтобы я завтра утром отвез тебя в Дублин? – проворчал он.

– Что?

– Побудешь у подружки.

Я была на седьмом небе от счастья, «выстрелила» в воздух кулаком и стала звонить Зои, забыв спросить Артура и даже не задумавшись о причине столь неожиданного предложения. Итак, я опять была вместе с Зои. Всего две ночи я провела у дяди с тетей и уже чувствовала себя совсем по-другому в Дублине. Мы отправились на наше обычное место на пляже возле моего дома, который выглядел по-другому, и из-за этого мне было противно на него смотреть. От него уже исходил другой дух, и от этого он тоже стал мне противен. Возле ворот появился знак о продаже дома. Когда я увидела его, у меня кровь застыла в жилах, появилось яростное желание закричать, словно я бенши[25 - Бенши – ведьма, жившая в ирландских лесах. Имеет два обличья – человеческое и демоническое. В обличье бенши может издавать крик, обладающий огромной разрушительной силой.], поэтому я изо всех сил старалась на него не смотреть. Что-то заподозрив, Зои и Лаура изучали меня, словно я прибыла с другой планеты, буквально «потрошили» свою лучшую подружку и стаскивали с нее верхний слой кожи, как пижаму, не говоря уж о том, что каждое мое слово было внимательно выслушано, проанализировано и неправильно истолковано.

Завидев надпись «Выставлено на продажу», обе мои подружки, выказывая чуткость «Джеронимо»[26 - Возможно, имеется в виду фильм «Джеронимо, американская легенда» (1993) о шагах американского правительства по покорению коренного населения. Не рекомендован для просмотра детям и подросткам моложе 16 лет.], пришли в восторг. Зои тотчас призвала нас влезть в дом и провести там день, как будто как раз в это время ничего лучше она не могла придумать. Менее импульсивная Лаура нерешительно смотрела на Зои и на меня, пока Зои, повернувшись к нам лицом, оценивала преимущества своего плана. А когда я не произнесла ни слова против, она окончательно прониклась своей идеей и бросилась, словно в омут головой, воплощать ее в жизнь.

Не знаю уж, как мне это удалось, но я подавила волнение, возникшее при мысли о вторжении в тот дом, в котором мой отец убил себя. Потом мы выпили и посудачили об Артуре и Розалин с их дурацкими деревенскими правилами. Я рассказала девочкам – нет, не просто рассказала, а открыла душу – о Маркусе, о его передвижной библиотеке, и они смеялись, представляя его совершенным дураком, а передвижную библиотеку – самым скучным местом, о каком им только приходилось слышать. Глупо держать дома целую комнату с книгами, а уж доставлять книги и вовсе ни с чем не сравнимый кретинизм.

Меня очень сильно ранили слова подружек, хотя я и сама не совсем понимала, что в них такого особенного. Правда, я постаралась это скрыть, однако один источник волнений и бегства от реальности, спасавший меня целый месяц после смерти отца, мгновенно рассыпался в прах. Это случилось, едва я начала воздвигать стену между мной и Зои с Лаурой. Они сразу догадались. Прищурившись, Зои уставила на меня свой особый препарированный взгляд, которым удостаивала людей, чем-то отличавшихся от нее, ведь в ее мире самым большим грехом считалось быть не такой, как все. Им не приходило в голову, что эмоциональная встряска, через которую я прошла в течение нескольких недель, должна была до самого нутра и навсегда меня изменить. И они решили, что на меня плохо подействовала жизнь вне Дублина. А я была просто-напросто раздавлена, как растение, которое топтали, топтали, но оно выжило, и, подобно этому растению, я не имела иного выбора, кроме как расти в другую сторону, не так, как прежде.

Когда Зои наскучило, или она испугалась обсуждать темы, о которых не имела понятия, она позвала Фиакру, Гаруа и третьего мушкетера Колма (я называла его Кабаист, что по-ирландски значит «капуста»). Ни разу в жизни у меня не оказалось случая нормально поговорить с ним. Зои завладела Гаруа и уединилась с ним, Фиакра достался Лауре, так как Зои больше не интересовалась им, а Кабаист и я оставались на месте и смотрели на море, пока остальные катались по песку, издавая невнятные звуки. Время от времени Кабаист прикладывался к водке, так что я в любой момент могла подвергнуться нападению. Захватив горлышко губами, он в очередной раз набрал в рот жгучей жидкости, и я стала ждать, когда он запечатлеет на моем лице мокрый, неряшливый, пахнущий водкой поцелуй, который причинит мне боль и спровоцирует позывы к рвоте.

Однако он не спешил.

– Сочувствую тебе, – тихо проговорил он.

От неожиданности я онемела, ощутив наплыв самых разных чувств. Не в состоянии ничего сказать, я и смотреть на него тоже не могла. Смотрела в другую сторону, и ветер трепал мне волосы, закрывая лицо и пряча горячие слезы, которые бежали по щекам.

Меня растоптали, и это было очевидно. Я поставила под сомнение время, и время показало, что я уже не такая, какой была до смерти отца.

Глава восьмая

Тайный сад

Когда я надолго покидала дом, скажем, на время школьной экскурсии за границу или на время поездки с подружками за покупками в Лондон, я всегда брала с собой что-то, напоминавшее мне о нем, – какую-нибудь необременительную безделушку. Однажды на Рождество мы с родителями оказались в гостиничном буфете, и папа стащил крошечного пластмассового пингвина, украшавшего пудинг, и потом сунул его в мой десерт. Таким образом он хотел повеселить меня, но поскольку тот день для меня не отличался от всех остальных, когда я не находила ничего смешного в его поступках и словах, то пингвин, не вызвав у меня никаких эмоций, переключился в мой карман. Прошло несколько месяцев. Я была не дома, и вдруг, случайно опустив руку в карман и нащупав пингвинчика, рассмеялась. Хотя и с опозданием, да еще в отсутствие папы, его шутка повеселила меня. В тот же день я переложила пластмассовую фигурку в косметичку, и она стала путешествовать со мной по миру.

Знаете, есть такие вещи, на которые стоит только поглядеть, и они сразу же соединяют тебя с домом, – в общем, с чем-то или кем-то дорогим. Сентиментальной меня трудно назвать; я никогда не была особенно привязана к вещам или людям. И не принадлежала к тем из моих знакомых, которые, стоило им заметить некий пустячок, едва не плакали, потому что задним числом вспоминали, скажем, о каком-то домашнем происшествии, и в эту секунду словно чертенок нашептывал им в ухо, как они были в то время счастливы. Со мной все происходило иначе, так как я возила с собой, например, пингвинчика,

чтобы не ощущать полного и абсолютного одиночества. И дело не в сентиментальности, а в простом и застарелом ощущении незащищенности.

Естественно, я не чувствовала ни малейшей привязанности к своему новому дому. Да и пробыла-то я в нем всего пару дней, прежде чем совершилось великое переселение к Зои вместе с книгой, которую я взяла в передвижной библиотеке и которую захватила с собой. У меня все еще не получалось отпереть замочек и, уж точно, не было намерения читать ее в доме Зои, тем более когда подруги рассказали о своем новом развлечении – только послушайте! – гулять без нижнего белья. Если честно, мне было смешно. Я видела фотографию американской телезвезды Синди Монро, в которой шесть с половиной стоунов веса[27 - Примерно девяносто фунтов, или около сорока килограммов.], пять футов роста, когда она вылезала из автомобиля перед клубом, едва освободившись после сорокавосьмичасовой тюремной отсидки за вождение в пьяном виде. И на ней не было трусиков. Зои и Лаура сочли это большим шагом вперед в деле самоутверждения женщин. Я же думала, что, когда освободительницы женщин сняли лифчики и сожгли их, они вовсе не думали о подобном продолжении. Конечно же я сказала об этом девочкам, и Зои смерила меня своим особым взглядом, прищурившись так, словно она была Королевой сердец[28 - Персонаж венесуэльского одноименного сериала (1998 г.)], и задумалась, «казнить ее»[29 - Точная цитата из «Алисы в Стране чудес» (Off with her head) Л. Кэрролла.] или не казнить. Однако почти сразу она широко открыла глаза и произнесла:

– Ну да, правильно, на моем топе был такой большой вырез сзади, что я все равно не могла бы надеть лифчик.

Большой вырез. Совсем мертвый. Любимые фразочки Зои. Или есть вырез, или его нет. Не сомневаюсь, что он был.

Во всяком случае, когда меня отослали к Зои – «отправили прочь», точнее говоря, – у меня появилось ощущение, что мне приказано посидеть в углу и подумать о том, что я совершила. Несмотря на то что я ехала домой и должна была бы вновь почувствовать себя как прежде, ничего подобного не было и в помине. Оказалось, что я привезла в Дублин частичку своего нового мира. Я привезла книгу, и ни на минуту я не забывала, что она лежит в моем чемодане, даже пока спала на выдвижной кровати в комнате Зои и пока мы болтали с Зои обо всем на свете. Я не забывала, что эта непрочитанная книжка из моего нового отвратительного мира слушает меня и пытается понять, как я жила прежде. У

меня была свидетельница. И мне захотелось отослать ее домой, чтобы она рассказала всем нашим сверстникам, как я тоскую о своей недавней жизни. Книга стала моей маленькой тайной от Зои и Лауры, утомительной и бесполезной, но все же тайной, которую я прятала в чемодане.

Итак, когда «лендровер» Артура повернул к боковому входу дома в Килсани и меня вновь впихнули в отвратительную не-жизнь, я решила взять книгу и отправиться на прогулку. Я знала: если не пойти в дом и не поведать Розалин о гуляньях без трусиков, она умрет от ожидания, поэтому, призванная судьбой всех наказывать, я отправилась бродить по окрестностям. Еще я знала, что найду маму на том же месте, в ее качалке, на которой она не качается, однако позволила себе помечтать, будто все совсем не так, и она, голая, делает пируэты в саду или что-нибудь еще в таком роде.

Пока мне не представился случай обойти окрестности, ведь я всего лишь один раз прошла напрямик к замку и обратно, однако сто акров земли оставались пока не изученными. В прошлом все мои визиты ограничивались чаем и сэндвичами с ветчиной в тихой кухне Розалин, пока мама беседовала о безразличных мне вещах с моими странными дядей и тетей. Я бы все сделала – съела бы двадцать мокрых сэндвичей с яйцами и два куска любого кекса, – лишь бы выбраться из кухни и погулять в саду, который окружал дом со всех сторон. Больше меня ничто не интересовало. Видно, негодный из меня получился бы исследователь или путешественник, так как движение всегда утомляло меня. Никогда я не испытывала желания потянуться за чем-то, лежащим чуть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. И в тот день никаких перемен в себе я не ощутила, однако мне было грустно, поэтому, взяв книгу из чемодана, я отправилась в путь, предоставив шмыгающему Артуру отнести чемодан в дом.

По узкой дорожке, затененной тридцатиметровыми дубами, ясенями и тисами, я шла прочь от дома, прочь от замка. В воздухе стоял сладковатый аромат. Земля была мягкой благодаря тысячелетним слоям упавшей листвы и коры, и ноги у меня пружинили, словно я могла бы бесконечно бежать в своей лайкре и при этом еще совершать кувырки. Стояла жара, однако мне было прохладно в тени древних деревьев. Птицы напоминали сверхактивных обезьянок, непрерывно что-то кричавших и по-тарзаньи прыгавших с ветки на ветку. Устав после целой ночи болтовни с подружками, я все же продолжала идти, хотя голова у меня едва не взрывалась от полученной информации – например, Лаура стала принимать противозачаточные таблетки, – но самыми громкими были разговоры, которые я мысленно вела сама с собой. Отключиться от этого мне не хватало

сил. Не помню, чтобы когда-нибудь прежде мне приходилось так много думать и мало говорить.

Время от времени, когда деревья все же расступались, я видела вдалеке замок, который смотрел поверх поляны на озера, испещрившие землю, и на царственные деревья, похожие на знаки препинания. Одинокие, высокие и элегантные тополя словно щекотали небеса, огромные дубы со своими круглыми кронами были похожи на грибы. Вскоре замок снова пропал из виду, как будто играя со мной в прятки, и дорожка стала поворачивать влево – вероятно, чтобы я вновь увидела его. Еще двадцать минут ходьбы – и справа, вдалеке, моему взгляду предстали главные ворота. Я замедлила шаг. Темные готические ворота не заманивали внутрь, ибо все было в цепях, словно пленник, оставленный гнить на обочине. Высокая трава и прочая растительность, которая лезла вверх по относительно новой калитке, обвивала проржавевшие решетки, как будто махала исхудалыми руками проезжавшим мимо машинам, умоляя накормить ее или отпустить на волю. Когда-то это была главная дорога, и она вела к замку, а теперь о ней забыли, ее не используют и не поддерживают в порядке, отчего она заросла травой, подобно дороге из желтого кирпича, которую я видела в «Возвращении в страну Оз»[30 - «Возвращение в страну Оз» – кинофильм, снятый в 1985 г. по мотивам книг Фрэнка Баума и номинированный в 1986 г. на премию Американской киноакадемии за лучшие визуальные эффекты.]. Я вздрогнула. Прежняя слава, видимо, забыта навсегда, однако и меня не тянуло к ней, как тянуло к замку. Фантастичными были ее шрамы. В отличие от замка, который пробуждал во мне желание поднять руку и провести по стенам ладонью, дорожные шрамы казались мне уродливыми и вызвали желание отвести от них взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Набор сладостей разной формы и разных цветов. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Марчезе Эмилио Пуччи (1914–1992), флорентийский дизайнер одежды и основатель дома моды «Эмилио Пуччи», предпочитал узоры из текучих, обведенных контуром цветных полос, складывающихся в абстрактные рисунки. Он ввел в мир моды самые яркие рисунки и превратил спортивную одежду в элегантный костюм, покорила Америку и научил женщин отдыхать в такой одежде.

3

Фильм режиссера Йим Пиль-Сунга в стиле черного фэнтези (2007).

4

Стронгбоу?– прозвище Ричарда Фиц-Гилберта де Клера (1130?—1176) – англонормандского аристократа, представителя младшей ветви дома де Клер, предводителя нормандского вторжения в Ирландию, 2-го графа Пемброка, титулярного графа Бекингема, лорда Ленстера, юстициара Ирландии.

5

На протяжении многих веков наиболее священным местом в Ирландии и главной резиденцией верховных королей острова была Тара в графстве Мет, древнее поселение, датируемое примерно 2000 г. до н. э.

6

Великий голод в Ирландии (известен также как Ирландский картофельный голод, 1845–1849 гг.) был вызван деструктивной экономической политикой Великобритании и спровоцирован эпидемией картофельного грибка.

7

В первом издании (1964) классического детского романа Роалда Дала «Чарли и шоколадная фабрика» неутомимые и преданные умпа-лумпы были черными, а не оранжевыми. Дал описал их как племя из 3000 пигмеев, вывезенных мистером Вонкой из «самого непроходимого и самого темного уголка африканских джунглей, куда не ступала нога белого человека», чтобы заменить уволенных с фабрики белых работников. Умпа-лумпы питались исключительно шоколадом, хотя до этого ели только «жуков, гусениц, листья эвкалипта и кору дерева бонг-бонг».

8

Французский маникюр появился около тридцати лет назад в Голливуде, а не во Франции, как принято считать. Этот вид маникюра очень быстро стал популярным во всем мире. Французский маникюр, изысканно простой и естественный, подходит к любым рукам и к любому образу. Классический вариант французского маникюра выглядит неброско.

9

Рекламная фигура на коробках с замороженной рыбой.

10

Вероятно, имеется в виду представление Майкла Флэтли, или Кельтского Тигра, которое совмещает в себе ирландские танцы с балетом, фламенко, хип-хопом и сальсой наряду с игрой Майкла Флэтли на флейте и являет собой танцевальную интерпретацию истории Ирландии – предмета, очень близкого сердцу Флэтли.

11

Модные австралийские сапожки и шлепанцы из овчины.

12

В Британии, а затем и в других странах огромной популярностью пользовался стиль Лоры Эшли (1925–1985). В 1953 г. уроженка Уэльса основала фирму по производству текстильных товаров – одежды и изделий для дома из хлопка с набивными рисунками.

13

В католической традиции святая Бригитта считается покровительницей Ирландии.

14

Сашими – нарезанное филе рыбы без примеси риса или других ингредиентов, кроме соуса или приправ (японская кухня).

15

Зак Эфрон (р. 18 октября 1987 г.) – американский актер и певец. Снимается в фильмах с 2002 г.

16

Особое платье для чаепития в пять часов.

17

Точнее по тексту: обсессивно-компульсивное расстройство (от англ.: obsessive-compulsive disorder; OCD). Синоним: невроз навязчивых состояний.

18

Мостовая гигантов (Giants Causeway) расположена на побережье Северной Ирландии и представляет собой множество соединенных базальтовых колонн, преимущественно шестигранной формы (встречаются также колонны, имеющие

от 4 до 8 граней).

19

Сувлагки – небольшие шашлыки на деревянных шпажках.

20

Джими Хендрикс (1942–1970) – выдающийся американский гитарист, певец и композитор. Широко признан как один из наиболее смелых и изобретательных виртуозов в истории рока.

21

Два фильма 1932 и 1983 гг.

22

Британская рок-группа.

23

Основанная в 1964 г., сегодня империя Topshop (Топшоп) насчитывает около 300 магазинов в Великобритании и более 60 по всему миру.

24

Твиттер (Twitter) – интернет-сайт, представляющий собой систему микроблогов, позволяющий пользователям отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов), используя веб-интерфейс, SMS-службы мгновенных сообщений или сторонние программы-клиенты.

25

Бенши – ведьма, жившая в ирландских лесах. Имеет два обличья – человеческое и демоническое. В обличье бенши может издавать крик, обладающий огромной разрушительной силой.

26

Возможно, имеется в виду фильм «Джеронимо, американская легенда» (1993) о шагах американского правительства по покорению коренного населения. Не рекомендован для просмотра детям и подросткам моложе 16 лет.

27

Примерно девяносто фунтов, или около сорока килограммов.

28

Персонаж венесуэльского одноименного сериала (1998 г.).

29

Точная цитата из «Алисы в Стране чудес» (Off with her head) Л. Кэрролла.

30

«Возвращение в страну Оз» – кинофильм, снятый в 1985 г. по мотивам книг Фрэнка Баума и номинированный в 1986 г. на премию Американской киноакадемии за лучшие визуальные эффекты.

Купить: <https://telnovel.com/sesiliya-ahern/volshebnyy-dnevnik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)